

СОВРЕМЕННЫЙ
ЛЮБОВНЫЙ
роман

ЛИРА ВЕЛЕНА

Измени мне
ЭТО НЕ ПРОСЬБА

Лира Велена

Измени мне. Это не просьба

<https://litres.ru/74346643>

Аннотация

— Измени мне.

В висках застучало так громко, что я перестала слышать, как капает вода в трубах.

— Измени мне, — повторил он. — Это не просьба. Это вынужденная мера. У нас нет денег, нет связей, нет рычагов. У нас есть только ты — и его желание. Я понимаю, что прошу чудовищную вещь. Но это единственный способ спасти Лёву. Единственный способ спасти тебя от улицы. Меня — от тюрьмы. Нас — от полного краха.

Я молча смотрела на его руку, прижатую к стеклу напротив моей. На красный след от наручников. На обручальное кольцо — тонкий золотой ободок, который теперь казался ошейником, затягивающимся на горле.

— Подожди, — сказала я почти спокойно, — давай уточним детали сделки. Ты признаёшь вину, хотя, возможно, даже не понимаешь до конца, в чём. Бесов закрывает дело, вытаскивает тебя с условным сроком. А я за это становлюсь его... кем? Любовницей? Игрушкой? Дорогим аксессуаром к его самолюбию? На какой срок аренда, Максим? Или она с пролонгацией?

Он закрыл глаза. Плечи его дрогнули.

— Я не продавал тебя. Я пытаюсь спасти то, что осталось.

#Скандально

#Грязно

#Горячо

#Откровенные сцены

Содержание

ГЛАВА 1	5
ГЛАВА 2	18
ГЛАВА 3	30
ГЛАВА 4	41
ГЛАВА 5	52
ГЛАВА 6	59
ГЛАВА 7	71
ГЛАВА 8	82
ГЛАВА 9	94
ГЛАВА 10	103
ГЛАВА 11	109
ГЛАВА 12	124
Конец ознакомительного фрагмента.	125

ГЛАВА 1

Сегодня у нас восьмая годовщина брака. Не кричащая цифра, но самая подходящая — знак бесконечности.

В который раз мысленно прокручиваю сценарий вечера до мелочей — томные взгляды, шёпот, который обжигает сильнее прикосновений, мужские пальцы, медленно стягивающие нижнее бельё.

Сегодня всё будет иначе — сегодня не будет супругов, уставших от быта, а любовники, жаждущие друг друга.

Жизнь в последнее время напоминает бег по беличьему колесу — работа, домашние хлопоты, мелкие проблемы или неполадки с сантехникой, которые решаю самостоятельно.

Мы с Максимом растворились в заботах, а усталость стала нашим ключевым и общим языком, понятным без слов.

Но под всей тяжестью теплится то самое — выстраданное наше счастье. И наш пятилетний сын — вечный двигатель в носочках и голубой пижаме — напоминал каждый вечер, что жизнь — это не только ипотека и счета.

Пространство квартиры, привыкшее к детскому смеху и разбросанным игрушкам, тихое и пустое. Я наполняю его другим — интимным, обволакивающим.

В гостиной царит полумрак, нарушаемый лишь танцем

свечей по хрусталию, по ведёрку с шампанским.

Воздух густой, сладковатый от аромата запечённого мяса, фруктов и горячего воска.

В прихожей нахожу своё отражение и задерживаю на нём взгляд. Чёрное платье липнет к телу второй кожей, обещая разгадку. Каблуки добавляют не только роста, но и дерзкой уверенности.

На телефон приходит уведомление, спешно хватаю его и читаю текст:

«Встретимся в отеле „Ария“, номер уже забронирован. За тобой приедет машина через тридцать минут, и не задавай лишних вопросов — это сюрприз».

«Договорились».

«Захвати свой чёрный шарф».

Боже. Во рту пересыхает.

Коктейль трепета и любопытства смешиваются воедино. Не удаётся сдержать улыбки.

Значит, он не забыл о годовщине.

«Не задавай лишних вопросов» — его любимая фраза. Когда он задумывает что-то грандиозное.

Что он задумал?

Максим мог быть предсказуемым в мелочах, но способным перевернуть с ног на голову одним движением.

Тонким слоем прохожусь красной помадой по губам. И в

голову приходит мысль, от которой появилась лёгкая ухмылка и зрачки мгновенно расширились.

Раз так. Иду ва-банк.

Расстёгиваю молнию платья, стягивая его с плеч. Молочная кожа тут же покрывается мурашками, и мелкий разряд тока расходится по телу.

Под платьем — чёрное кружевное бельё: бра с тонкими бретелями, трусики-бразилиана с полупрозрачными вставками, подчёркивающие изгиб бёдер. Провожу ладонью по кружеву, чувствуя, как соски уже напряглись, предвкушая то, что ждёт впереди.

В сладком предвкушении накидываю плащ осенний, шёлковый шарф и закрываю дверь, стремительно спускаясь по лестничной площадке.

Как и писал Максим, чёрный мерседес ожидал меня во дворе. Какую же серьёзную подготовку предпринял супруг.

Невольно включается анализ и подсчёт цифр — откуда у него столько денег?

Но затем тут же отметаю неуместный вопрос — сегодня мне не хочется думать об этом.

Я должна доверять супругу, значит, он располагает финансами. Мало ли, откладывал и накопил.

Однако всё же хорошо, что на улице уже стемнело, это избавит нашу семью от лишних пересудов.

Автомобиль плавно и практически бесшумно трогается с места, как только водитель усадил меня на заднее пассажирское место.

Мне с трудом удаётся удержаться от вопросов, наказ мужа — это святое.

В кожаном салоне я нахожу бокал с наполнением золотистого напитка и, не выдержав интриги, беру высокий фужер.

Гортань приятно обволакивает игристое, дёсны и нёбо щекочут пузырьки.

Вероятно, шофёр включает стерео, так как машину наполняет классическая музыка. И с каждым аккордом напряжение уходит, я расслабляюсь и, запрокинув голову на сиденье, просто наблюдаю за сменой улиц.

Я открываю глаза ровно тогда, когда мерседес останавливается у высокого здания.

Мужчина в тёмном костюме предупредительно распахивает двери, и наполненная трепетом, я выхожу из солидного автомобиля.

Молодая девушка в строгой юбке-карандаш и белой блузке, как только видит меня, подпрыгивает с места и с деловой вежливой улыбкой приветствует по всем стандартам сервиса.

— Доброго вечера вам. Рады приветствовать вас в нашем отеле.

— И вам доброго. Спасибо.

— Как ваше самочувствие? Как прошла поездка?

— Всё замечательно, — отвечаю односложно, полная нетерпения оказаться в объятиях мужа.

— Чудесно. Меня зовут Екатерина, и я провожу вас до номера.

На что лишь киваю, если честно, от волнения говорить с трудом удаётся.

Одним словом, всё было на высшем уровне, и невольно появилась растерянность — меня приятно поражают сюрпризы мужа.

Огромный вестибюль, множество ламп, ковры, деревянная мебель — проплывают фоном. Пульс ускоряется, и в области солнечного сплетения возникает зуд.

Молодая девушка, Екатерина, провожает меня до самой двери. Открывает замок ключ-картой и впускает в роскошный номер.

— Фрукты и вино уже в номере. Располагайтесь. Ваш супруг с минуты на минуту прибудет.

— Вы очень внимательны.

— Может, у вас есть свои пожелания? Мы всё организуем очень быстро.

— Нет. Всё и так хорошо.

— Тогда я удаляюсь. Но можете звонить по внутренней линии, если всё же передумаете.

— Я запомню.

Дверь за девушкой осторожно закрывается, и я не успе-

ваю осмотреть обстановку, так как принимаю входящий от Максима.

— Да, дорогой.

— Ты уже на месте?

— О да. И я жду тебя.

— Тебе всё нравится?

— Безусловно, — особенно полумрак, который придаёт больше таинственности.

— Тогда сядь на край кровати. Завяжи глаза шарфом, но только не раздевайся.

— Максим, что ты задумал?

— Я же говорю, это сюрприз. Будь послушной. Я скоро буду.

— Хорошо, как скажешь.

Отключаю вызов и убираю телефон на прикроватный столик.

Прохожу в ванную и, включив холодную воду, ополаскиваю руки до локтя. Холодными пальцами прохожусь по зоне декольте. И ледяные капли моментально на теле испаряются, ещё более обжигая кожу.

Устроенная мужем интрига тревожит и заводит одновременно.

Присутствует азарт, и внутри всё затягивается в тугую узел.

Покончив с процедурами омовения, двигаюсь к большой

кровати.

Я сажусь на край, как того велел Максим, и завязав шелком глаза, какое-то время сижу в полной тишине.

Сенсорика чувств слишком обострена, я слышу за окнами порывы ветра, глухие, но тяжёлые шаги за дверью, оставившиеся на мгновение.

Сердце заходится и сбивается с ритма, как только заходит поток воздуха из коридора и едва уловимый мужской аромат. Только запах какой-то иной — не привычный парфюм Максима, а что-то терпкое, более насыщенное.

Невольно ёрзаю пятой точкой и закидываю одну ногу на другую, оголяя часть бедра.

Я не обращаю внимания на эти мелочи, так как пульсация в висках бешеная и кровь буквально пузырится.

— Максим, наконец-то, — не выдерживаю накала ощущений, пальцами стиснув мягкую ткань. Только муж не спешит с ответом, хотя его присутствие так мною осязаемо. Комната просторная, но в данный момент становится тесной, и кислород из неё словно медленно выкачивают. — Максим!

Я чувствую его взгляд, чувствую, как каждый миллиметр кожи горит, мне неудобно, подобного ранее не прослеживалось.

Меня продолжают молча разглядывать, и мышцы начинает сводить от прямой и напряжённой осанки.

— Максим, я сейчас же сорву повязку, и твой сюрприз с ролевыми играми не удастся, — смущённо тараторю.

В ответ — ни слова. Только шаги. Тяжёлые, размеренные. Тишина звенит в ушах, прерываемая лишь моим собственным дыханием и гулками ударами сердца.

Он приближается. Я слышу, как он опускается передо мной. Чувствую тепло его тела совсем близко, но он не касается меня. Мучительная пауза. Проходят секунды, растянутые в вечность. Я задерживаю дыхание, а он медлит, смакуя моё нетерпение. Воздух между нами раскаляется до предела, кожа покрывается мурашками, и я уже готова умолять — но не произношу ни звука.

Наконец его пальцы касаются моих лодыжек. Едва ощутимо, кончиками. Он ведёт вверх — медленно, мучительно медленно, обводя каждую косточку. Я вздрагиваю. Его ладони обхватывают мои щиколотки, большие пальцы находят чувствительную ямку под косточкой и надавливают — ровно настолько, чтобы по ногам разлилось тепло. Он поднимается выше, к икрам, массируя их сквозь тонкий шёлк чулок, и каждое движение отзывается пульсацией где-то глубоко внутри.

Плащ распахивается, открывая кружево белья. Я слышу, как мужское дыхание сбивается.

Затем — одно прикосновение к внутренней стороне колена. Горячие губы, чуть влажные, прижимаются к коже, и меня прошивает током.

Проводит языком короткую дорожку вверх, к бедру, и отступает, заставляя меня всхлипнуть от разочарования. Он

играет со мной. Намеренно тянет, доводя до иступления.

Новая волна ласк — теперь обеими руками. Его ладони ложатся на мои бёдра, большие пальцы очерчивают полукруги по внутренней стороне, приближаясь к границе кружева, но не пересекая её. Я кусаю губы до боли. Он наклоняется ближе — горячее дыхание опаляет живот, сквозь кружево я чувствую жар его губ, но они не касаются. Парят в миллиметре. Я невольно подаюсь навстречу, но его рука ложится мне на живот, удерживая на месте.

— Пожалуйста, — вырывается у меня шёпот, и я тут же жалею об этом.

В ответ — молчание. Только кончики пальцев скользят по резинке трусиков, едва задевая кружево. Он обводит узор, не спеша, миллиметр за миллиметром. Мои нервы натянуты до предела. Каждое прикосновение отдаётся внутри горячей волной. Я уже мокрая, уже готовая, изнаывающая. Но он продолжает мучить, пальцами отодвигая влажную ткань в сторону. Одно уверенное движение — и он прижимается ртом к самой чувствительной точке. Я вскрикиваю. Его язык творит что-то невообразимое — круги, восьмёрки, лёгкие посасывания. Он чередует ритм: то быстрый и требовательный, то медленный и дразнящий. Мои пальцы вцепляются в простыни, бёдра дрожат. Я пытаюсь сжать ноги, но его плечи не дают, удерживая меня открытой и беззащитной перед этой сладкой пыткой.

Он отстраняется — ровно на секунду, чтобы перевести

дыхание, и я слышу его низкий, хриплый смешок. Ему нравится моя реакция. Нравится моя беззащитность. Его губы возвращаются, теперь скользят выше, по животу, по рёбрам, обводят край кружевного бра. Язык ныряет под ткань, касается соска — и я выгибаюсь дугой. Он обводит его по кругу, раз, другой, затем втягивает в рот, посасывая сквозь кружево, и от этого влажного, жаркого ощущения у меня из горла вырывается стон, больше похожий на рычание.

Он не останавливается. Переходит к другой груди, повторяет ту же мучительную ласку. Одна его рука всё ещё удерживает моё бедро, вторая скользит вниз, поглаживая живот, и пальцы снова касаются там, внизу, но на этот раз — проникают внутрь.

Сначала один. Медленно, давая привыкнуть. Второй добавляется почти сразу. Он двигает ими, задавая ритм, который совпадает с движениями его языка на груди. Двойная атака. Я больше не контролирую звуки, которые из меня вырываются. Я забываю о стеснении, о роли примерной жены, о том, что где-то за стеной могут быть люди. Я существую только здесь и сейчас — на грани, за которой мир взрывается.

Он чувствует моё приближение. Его пальцы ускоряются, большой палец находит клитор и надавливает — ровно в тот момент, когда его зубы слегка прикусывают сосок. И меня прорывает. Первый оргазм — резкий, как удар тока, — простреливает всё тело. Я кричу. Мои бёдра сжимаются вокруг

его руки, спина выгибается. Он не останавливается — продолжает ласкать, замедляясь, растягивая удовольствие, пока я дрожу и всхлипываю.

Проходит минута, или две, или вечность, прежде чем он поднимается. Я слышу, как расстёгивается ремень. Как падает на пол одежда. Я всё ещё плыву в послеоргазменной неге, когда чувствую, как он разводит мои бёдра шире и входит.

Одним резким движением. До самого конца.

Я вскрикиваю снова — теперь от полноты ощущений, от того, как он заполняет меня, растягивает, как его плоть пульсирует внутри. Он даёт мне секунду привыкнуть, а потом начинает двигаться. Медленно вначале — долгие, глубокие толчки, выходя и снова погружаясь до основания. Я чувствую каждый сантиметр. Ноги сами обхватывают его бёдра, притягивая ближе.

Ритм нарастает. Быстрее. Жёстче. Его пальцы впиваются в мои бёдра, оставляя синяки, о которых я буду вспоминать завтра. Кровать скрипит в такт. Я цепляюсь за его плечи, за простыни, за сбившийся плащ — за что угодно, лишь бы удержаться в реальности, которая ускользает, рассыпаясь на осколки ощущений.

Он наклоняется и целует меня. Не нежно — жадно, глубоко, проталкивая язык в мой рот, заглушая стоны. Это наш первый поцелуй, и от этого он ещё острее. Я пробую его на вкус — себя на его губах, шампанское, что-то ещё, терпкое, мужское. И в этом поцелуе я теряю остатки самооблада-

ния. Второй оргазм накрывает меня — более глубокий, более мощный, идущий откуда-то изнутри, разливающийся горячей волной по всему телу. Мои внутренние мышцы сжимаются вокруг него, и я слышу его первый стон — низкий, гортанный.

Он переворачивает меня на живот. Ладонь ложится между лопаток, вдавливая в матрас. Он входит снова — сзади, под другим углом, ещё глубже. Этот ритм другой — рваный, почти звериный. Его пальцы впиваются в мои плечи, держат, фиксируют, пока он берёт меня так, будто имеет на это право. Мне нравится это. Нравится чувствовать его силу, его власть надо мной. Нравится быть взятой, а не просто любимой.

Он наклоняется к моему уху, обжигая дыханием, и шепчет:

— Передавай привет мужу.

И с этими словами он делает последний, самый глубокий толчок и изливается в меня. Я чувствую, как его тело напрягается, как дрожь проходит по его мышцам. Его стон тонет в моих волосах.

Мы оба замираем. Дышим тяжело, не в силах разомкнуть объятия. Я всё ещё на животе. Он всё ещё во мне. Время застывает.

Я срываю шарф с глаз.

В номере никого. Только присутствие терпкого аромата, говорило, что я не спятила.

Осознание обрушивается не сразу. Сначала — пустота. Потом — холод. Потом — ужас, пронзивший всё тело разом. Это был не Максим.

ГЛАВА 2

Я просыпаюсь от собственного крика — резко, будто вынырываю из толщи ледяной воды. Лёгкие горят, сердце колотится, а простыня подо мной влажная и скрученная жгутом. В висках гул, перед глазами — остаточная пелена морока, который только что был реальнее самой реальности. Я всё ещё чувствую его насыщенный запах.

Чувствую жар чужих ладоней на своих бёдрах, вкус поцелуя.

Сон. Это был обычный сон.

Несколько долгих секунд я просто дышу, хватая ртом спёртый воздух спальни. Шторы задёрнуты неплотно — сквозь щель пробивается блёкая полоска октябрьского утра, рассекающая комнату надвое. Тихо. Только мерная работа настенных часов и ровное, глубокое дыхание рядом.

Поворачиваю голову. Максим спит на своей половине кровати — на боку, поджав одну руку под подушку, вторая безвольно откинута в мою сторону. Его лицо расслаблено, морщинка между бровей сейчас разглажена. Русые волосы растрёпаны, ресницы чуть подрагивают — ему, в отличие от

меня, не снятся никакие кошмары. От осознания этого простого, такого привычного соседства — здесь, дома, в нашей постели — из груди вырывается всхлип облегчения. Хочется прижаться к нему, уткнуться носом в тёплое плечо и переждать, пока утихнет внутренняя дрожь. Но я не двигаюсь, боюсь разбудить.

Вместо этого осторожно, стараясь не шуметь, сажусь на кровати. Голова кружится. Сдвигаю влажные от пота волосы со лба, тру лицо ладонями, пытаюсь стереть остатки навяздения. Машинально бросаю взгляд на экран телефона. Без двадцати шесть. И дата — та самая, впечатанная в матрицу дня особая цифра. Восьмая годовщина. Она сегодня.

Я выдыхаю. Грудная клетка расширяется, втягивая утренний холод, и только сейчас замечаю, что всё это время дышала поверхностно, мелкими порциями, словно загнанная лань.

Всё хорошо. Я дома. В своей постели. С мужем, которого люблю.

Только липкий осадок уже осел где-то на самом дне сознания.

Тяну резинку с волос, заматываю непослушные пряди в

тугой узел на затылке. Ступни касаются прохладного ламината — это отрезвляет, приносит ясность. Пара шагов до двери, осторожный поворот ручки.

В душе я стою чуть дольше обычного. Горячие струи хлещут по спине, по плечам, по груди. Там, где во сне чужие пальцы сжимали бёдра, кожа до сих пор фантомно горит, и я тру её мочалкой — жёстко, до красноты, сдирая невидимую плёнку. Шампунь пахнет вишней — наш, семейный, никакой экзотики. Геометричный узор на кафеле, запотевшее стекло душевой кабины, монотонный шум воды — я цепляюсь за эту обыденность, как за якорь.

Вытираюсь большим махровым полотенцем, с силой растирая плечи. Смотрю в запотевшее зеркало. С него на меня глядит обычная женщина, жена, мать — бледная со сна, с тёмными кругами под глазами.

На кухне уже светло. Первые лучи солнца заливают столешницу, путаются в прозрачных занавесках, играют на глянцевом боку электрического чайника. Из комнаты сына доносится возня — Лёва всегда просыпается в одно и то же время, как по будильнику, и начинает свой персональный отсчёт нового дня с перетряхивания игрушек.

Я ставлю сковороду на плиту, зажигаю огонь. Три яйца,

молоко, щепотка соли и сахара — всё на автомате, руки помнят. Венчик размеренно постукивает о край миски, взбивая желтки в пенную однородную массу, и этот ритмичный звук — как мантра, возвращающая в реальность. На сковороду плюхается кусочек масла, яичная масса — и омлет всходит пышной шапкой под крышкой, наполняя кухню тёплым домашним запахом.

— Ма-ам! — детский голос пререзает утро. — А можно я мультик посмотрю?

Лёва вбегает на кухню босиком, в мятой голубой пижаме с динозаврами. Волосы торчат вихрами во все стороны, глаза ещё сонные, но в них уже горит неуёмная жажда движения, чему я невольно улыбаюсь.

— Только после завтрака. И приведи себя в порядок. Зубки, умывание, расчёска.

— Ну-у, мам!

— Никаких «ну». Давай бегом. У нас сегодня много дел.

Он надувает губы, но послушно разворачивается и топает в ванную.

Я режу свежий огурец тонкими кружочками, выкладывая на тарелку рядом с омлетом. Кофе-машина гудит, разливая горьковатый аромат эспрессо. В дверях появляется Максим — уже в брюках и рубашке, только воротник пока не застёгнут. Он щурится от яркого света, почёсывает небритую щёку и зевает.

— Доброе утро, — голос с хрипотцой, ещё не проснувшийся.

— Доброе.

Он подходит, кладёт руки мне на талию по-хозяйски и целует в макушку, чуть задерживаясь. На мгновение прикрываю глаза, позволяя себе раствориться в этом простом жесте.

— С годовщиной нас, — говорит он тихо, почти в самое ухо.

— С годовщиной, — отвечаю, чуть запрокидывая голову и встречая его взгляд. — У нас приличный срок.

— Вот именно, — муж усмехается. — Я тут подумал... Давай сегодня сходим куда-нибудь? Вдвоём. Твой дедушка ведь сможет посидеть с Лёвкой.

— Отличная идея.

— Тогда я забронирую столик. Ты свободна в восемь?

— Свободна.

Завтрак проходит скомкано. Лёва ковыряет омлет, возит вилкой по тарелке, не переставая болтать о новой машинке, которую видел в рекламе. Максим пьёт кофе, уткнувшись в телефон, просматривая рабочую почту. Я больше делаю вид, что ем, — аппетит отсутствует.

Дальше — день. Я собираюсь на работу быстрее обычного, крашу ресницы, глядя в зеркало и стараясь не думать. Мысли всё равно возвращаются, кружат, как назойливые осенние мухи. Тени в тон? Нет, светлые. Сегодня никакого чёрного, никакого драматизма.

Работа — спасение. Офисный гул, звонки, расчёты в Excel, кофебрейк с коллегами, обсуждение каких-то нелепых новостей из чата дома — всё это вымывает, выветривает ночной морок.

Из садика Лёву забираю бегом — пробки, как назло. Он что-то увлечённо рассказывает про пластилинового динозавра, которого слепил с Артёмом, и про то, что Катька из

группы приносила жвачку. Я киваю в такт, выруливаю из пробки, обгоняю маршрутку.

Дома — бросив сумки в прихожей, сразу на кухню. Тайминг расписан по минутам: разогреть Лёве суп, порезать котлеты, идеально, если вчерашние. Пока ест — собираю игрушки, проверяю, сложены ли его вещи для визита к бабушке.

Потом Максим заезжает и отвозит сына, а у меня на сборы остаётся час.

Принимаю душ — короткий, контрастный, чтобы взбодриться, фен, макияж. Рука сама тянется к красной помаде, но одёргиваю себя в последний момент. Беру нюдовую, спокойную. Платье — бордовое, благородного винного оттенка, с длинным рукавом и закрытым декольте. Максим любит это платье, говорит, оно подчёркивает глаза, превращая их в два мерцающих омута.

Уже застёгивая браслет, подарок моего деда, — мельком бросаю взгляд в зеркало и замираю.

Из отражения смотрит красивая, ухоженная женщина, но с тенью во взгляде. И эта тень не желает уходить, сколько ни подводи глаза хайлайтером, сколько ни румянь скулы.

Ресторан, который выбрал Максим, называется «Невесомость». Я слышала о нём от коллег — говорили, что там безумно дорого и нужно бронировать за месяц. Видимо, муж действительно подготовился.

Вход встречает нас тёплым сиянием кованых канделябров и приглушённым гулом голосов. Швейцар в длинной ливрее, с седыми, аккуратно подстриженными бакенбардами, предупредительно распахивает тяжёлую дубовую дверь.

Холл поражает воображение сразу: пол из чёрного и белого мрамора, уложенного ромбами, как шахматная доска, отражает свет огромной хрустальной люстры, свисающей с высоты второго этажа каскадами искрящихся подвесок. Стены увиты живым плющом, перемежающимся с гирляндами из крошечных тёплых лампочек, и от этого кажется, что попадаешь не в ресторан, а в зимний сад какого-то аристократического поместья.

Я иду по этому мрамору на тонких шпильках, и стук каблучков тонет в мягких, пушистых ковровых дорожках бордового цвета. Хостес с безупречной укладкой, в строгом платье, провожает нас к столику. Мы проходим через главный зал, где на каждом столике — живая орхидея в низкой квадратной вазе и свеча в прозрачном, будто вырезанном из льда, подсвечнике. Воздух здесь не просто пахнет — он благоухает. Тонкое, многослойное сочетание дорогого табака,

санда, ванили и свежей зелени. Где-то далеко, едва слышно, играет живая музыка — кажется, арфа.

Нас усаживают за угловой столик у окна, выходящего на внутренний дворик, подсвеченный сотнями маленьких фонариков. Панорамное стекло чуть тонировано, но сквозь него видно, как на ветру покачиваются ветви декоративных яблонь. Салфетки из грубого серого льна, тяжёлые столовые приборы с вензелем ресторана, тонкий, фактически невесомый фарфор.

— Красиво тут, — говорю я, втягивая носом этот изысканный воздух, насыщенный чужим богатством и покоем.

— Старался, — отвечает Максим, и на губах его появляется улыбка — чуть рассеянная, но довольная. Его любимая фраза.

Пальцы непроизвольно сжимаются на краю стола.

Официант механически предлагает меню. Кожаные папки, тиснённые золотом, ложатся перед нами. Я открываю свою и пробегаю глазами по строчкам — утиная грудка с карамелизированной грушей, ризотто с белыми грибами, филе сибаса... Цены ожидаемо кусаются, но сегодня не тот случай.

Мы делаем заказ. Бутылка красного вина — выдержанный Кьянти, то самое, что мы пили ещё в наш медовый месяц в Италии. Максим помнит эту деталь. От осознания внутри разливается тёплая волна нежности.

Когда официант удаляется, мы остаёмся вдвоём в пузыре из свечного пламени и приглушённой музыки. Максим кладёт ладонь на стол, и я накрываю её своей. Наши пальцы переплетаются — так привычно и уютно.

Он начинает разговор. Сначала ни о чём — о делах на работе, о новом проекте, о предстоящей командировке («всего на три дня, ничего страшного»).

Я киваю, поддерживаю беседу, рассказываю про Лёвины проделки в саду. Но внутри зреет что-то ещё. Какое-то невысказанное напряжение, которое повисает в воздухе.

Я ловлю его взгляд. Он смотрит на меня пристально, изучающе, чуть склонив голову набок. И в этом взгляде нет привычной расслабленности. В нём читается вопрос, который он почему-то не решается задать.

— Ты сегодня какая-то не обычная, — говорит наконец он. — Что-то случилось?

Задерживаю дыхание.

— Ничего, — улыбаюсь я, поднося бокал к губам. Вино терпкое, чуть вяжущее, оставляет на языке долгое ягодное послевкусие. — Просто устала. День выдался сумасшедший.

Максим кивает. Он не верит до конца — знаю по тому, как дёргается мускул на скуле, выдавая скрытое беспокойство. Однако предпочитает не давить. За это я его и люблю.

Приносят закуски. Тартар из тунца на подушке из авокадо, украшенный крошечными ростками микрозелени и бисером чёрной икры. Я беру вилку, пробую. Вкус яркий, свежий, с цитрусовой кислинкой.

И когда Максим подливает мне вина, а я поднимаю глаза, чтобы поблагодарить мужа, меня внезапно накрывает острой, игольчатой вспышкой — насыщенный, концентрированный аромат мужского парфюма.

Этот запах, просочившийся от мужчины проходящего мимо к самому дальнему столику помещения, на секунду стирает грань.

В груди снова коле и сердце пропускает удар. Я вздрагиваю, расплёскивая каплю вина на бордовый шёлк платья.

Максим смотрит на меня вопросительно, протягивает салфетку, но я уже беру себя в руки — усилием воли загоняю дрожь обратно в подреберье.

— Всё в порядке? — мужской голос звучит приглушённо.

— Да, — отвечаю я, промокая платье и растягивая губы в улыбке. — Просто рука дрогнула.

ГЛАВА 3

— Я в дамскую комнату, — бросаю, поднимаясь. — Приведу себя в порядок.

Максим кивает, чуть отодвигая мой стул, чтобы было удобнее выйти. Его пальцы на мгновение касаются моего запястья — знакомые до последнего штриха, с чуть шершавой подушечкой большого пальца. Этот мимолётный контакт — якорь. Я сжимаю его руку в ответ и отпускаю, шагая в сторону мраморной лестницы, ведущей к уборной.

Там, в приглушённом сиянии бра с подвесками из горного хрусталя, я опираюсь обеими ладонями о прохладную столешницу из чёрного гранита и смотрю в собственное отражение. Зрачки расширены — два тёмных провала на фоне зеленоватой радужки. Подношу запястье к носу и вдыхаю запах собственной кожи, пытаюсь перебить тот, чужой, всё ещё стоящий в ноздрях. Запах, который преследовал во сне последние три месяца. Разве подобное возможно?

Поправляю причёску, припудриваю нос, провожу пальцем по линии нижней губы, стирая несуществующую пометку помады. Достая из клатча крошечный флакон духов — мой собственный аромат, лёгкий, с нотами пиона и белого мускуса. Наношу каплю за уши, на запястья. Аромат обволакивает привычным коконом безопасности.

Возвращаюсь за столик, стараясь ступать размеренно, с

прямой осанкой.

Максим уже наполнил мой бокал, и рубиновая жидкость колыхнется, отражая пламя свечи. Основные блюда расставлены — передо мной дымится утиная грудка, нарезанная акуратными розоватыми ломтиками, перед ним — стейк рибай с запечённым молодым картофелем.

— Я хочу рассказать тебе кое-что, — произносит Максим, когда я сажусь и расстилаю салфетку на коленях.

Внутренне сжимаюсь. Интонация у него та самая — осторожная, предваряющая новость, которая, по его мнению, может вызвать у меня смешанные чувства. Он всегда так говорит, когда на работе происходит нечто глобальное.

— Что такое? — спрашиваю я, накалывая на вилку ломтик грудки и отправляя в рот. Мясо тает на языке, карамельная корочка хрустит.

— Несколько месяцев назад в компании началась серьёзная реструктуризация, — он кладёт локти на стол, скрещивает пальцы перед подбородком. Свечной блик танцует на его обручальном кольце. — Полный ребрендинг. Новое руководство, новое направление, свежие инвесторы.

— И? — я отпиваю глоток вина.

— Я ещё не знаком с теми, кто придёт к рулю, — говорит он, и в голосе его проскальзывает азартная, мальчишеская жилка, которую я так редко слышу в последнее время. — Но слухи ходят грандиозные. Говорят, это люди с европейским капиталом. Они полностью перетрясут маркетинг, выведут

бренд на международный рынок. Им нужны свои люди на ключевых позициях, и мой отдел — один из первых, куда они присмотрятся.

— Ты к чему ведёшь? — я кладу приборы и смотрю на него прямо, стараясь, чтобы взгляд был заинтересованным, а не напряжённым.

— К командировке, — он выдерживает паузу, как заправский рассказчик. — Я сказал — три дня? На самом деле это не рядовая поездка. Это своего рода смотрины. Меня вызывают в головной офис, будут представлять новому совету директоров. Если всё пройдёт хорошо... — он замолкает, подыскивая слова. В уголках его глаз собираются тонкие лучики морщин — предвестники улыбки. — Мы можем выйти на совершенно другой уровень. Я говорю не о пятнадцати процентах надбавки. Я говорю о позиции вице-президента по развитию. С соответствующим окладом. — Цифры, которые он называет, действительно впечатляют. Они не просто позволят нам вздохнуть свободнее... Ипотека, кредит за его автомобиль, вечная головная боль с накопительным счётом на Лёвино образование — всё это растает, как утренний туман над рекой. — Если всё выгорит, — продолжает он, и теперь уже не скрывает улыбки, — мы закроем ипотеку за два года вместо десяти. И кредит за тачку — до Рождества. А летом... — он тянется через стол и берёт меня за руку, переворачивая ладонью вверх и очерчивая большим пальцем линию жизни, — ...летом я отвезу тебя на острова. Бали,

Мальдивы, Сейшелы — выбирай. Помнишь наш разговор? Ты, я, белый песок, бунгало над бирюзовой водой и ни одной рабочей мысли в голове.

— Помню, — губы наконец-то складываются в настоящую улыбку, не дежурную, а искреннюю. — Этот разговор был ещё до рождения Лёвы.

— Вот видишь. Сколько ещё ждать? Самое время планы осуществить.

Я смотрю на мужа, который сейчас светится изнутри. Его энтузиазм заразителен, его планы всегда конкретны и достижимы. Он из тех мужчин, что не бросают слов на ветер, и если уж он говорит о вице-президентстве, значит, шансы действительно высоки. И всё же... всё же где-то внутри меня, поверх радости за него, наслаивается усталая досада. Восемь лет вместе, и сегодня — наш день.

А мы говорим о ребрендинге, должностях и кредитах в очередной раз.

— Максим, — я высвобождаю руку и снова берусь за бокал, — милый мой. Я безумно рада за тебя, правда. Но давай сегодня, хотя бы на этот вечер, мы оставим работу за порогом? Хотя бы на пару часов?

Он замирает с приоткрытым ртом, не успев договорить, а потом усмехается, откидывается на спинку стула и качает головой.

— Ты права. Извини. Занесло. — Максим берёт свой бокал и поднимает его. — Обещаю: о делах больше ни слова.

Мы чокаемся, и хрустальный звон вплетается в тихую музыку арфы. Я пью, не сводя с него глаз, и вижу, как его взгляд теплеет, становится мягким, домашним — таким, каким он смотрит на меня по утрам, когда мы оба ещё не до конца проснулись. Это лучший из его взглядов.

Я отставляю бокал и кладу ладони на колени, чувствуя, как внутри разгорается тёплый огонёк предвкушения. Весь день я ждала этого момента, репетировала про себя слова, которые скажу, представляла выражение его лица. Пальцы сами тянутся к клатчу, лежащему на соседнем стуле.

— В общем, — говорит он, отставляя бокал и запуская руку во внутренний карман пиджака, — у меня есть для тебя подарок. — Сердце делает крошечный кульбит. Я люблю, как он дарит подарки — чуть смущаясь, будто каждый раз не до конца уверен, что угадал. На стол ложится коробочка — небольшая, квадратная, обтянутая тёмно-синим бархатом с тиснённым серебряным логотипом. «Mikimoto» — читаю я, и дыхание перехватывает сильнее, чем от названных им сумм. — Открой.

Послушно подцепляю ногтем крошечную защёлку и поднимаю крышку. Внутри, на подушечке из чёрного шёлка, покоится комплект: серьги-гвоздики и кулон на тонкой цепочке. Жемчуг — безупречный, кремовый, с нежнейшим розоватым отливом, каждая жемчужина размером с крупную горошину и обрамлена россыпью крошечных бриллиантов, играющих в пламени свечи россыпью радужных искр. Это не

броская, не кричащая роскошь.

— Максим... — выдыхаю я. — Это безумно красиво.

— Это только начало, — он приподнимает кулон, пропуская цепочку сквозь пальцы, и жемчужина качается, словно маятник. — В следующий раз, Лана, — он делает паузу, и его серые глаза вспыхивают, — я подарю тебе бриллианты. Настоящие камни, которые можно будет надеть на красную дорожку.

— Ты с ума сошёл, — шепчу я, качая головой. — Куда мне на красную дорожку?

— Ты достойна, — отвечает он так просто и так серьёзно, что у меня щиплет в носу. — Ты достойна всего самого лучшего.

Супруг встаёт, обходит стол и сам застёгивает цепочку на моей шее. Жемчужина ложится точно в ямочку между ключицами, и я чувствую её прохладную тяжесть — странно успокаивающую, словно прикосновение талисмана. Серьги я вдеваю сама, глядя в отражение в тёмном стекле окна.

— Спасибо, Макс. В общем, — говорю я, подражая его интонации и невольно улыбаясь, — у меня тоже есть для тебя подарок.

Максим вскидывает бровь, и на его губах появляется полуулыбка, которую я обожаю.

— Я весь в предвкушении.

Вынимаю из клатча продолговатую коробочку, обтянутую графитовым велюром. Без логотипов, без опознавательных

знаков — только сдержанная, мужская элегантность. Протягиваю ему через стол.

— Надеюсь тебе понравится.

Он поднимает крышку, и я вижу, как его глаза, на мгновение замирают — в них проступает удивление и даже искреннее восхищение.

Внутри, на подушечке из матового чёрного шёлка, покоится галстук — тёмно-синий, глубокого, почти ночного оттенка, с едва заметной диагональной текстурой, напоминающей муаровые разводы на поверхности дорогого коньяка. Шёлк переливается в пламени свечи сдержанными всполохами, словно внутри ткани застыли крошечные молнии. Но главное — закрепка: узкая, вытянутая полоска платины, по центру которой идёт россыпь крошечных сапфиров, выложенных в форме созвездия. Того самого созвездия, под которым мы познакомились.

— Это Кассиопея, — говорю я тихо, наблюдая, как он проводит пальцем по сапфировым звёздам. — Мы смотрели на неё с крыши твоей старой квартиры. Ты тогда сказал, что это единственное созвездие, которое можешь найти на небе с закрытыми глазами.

— А ещё я сказал, что ты выйдешь за меня замуж, — заканчивает он почти шёпотом.

— Так и вышло.

Максим поднимает на меня глаза и вынимает галстук из коробочки, пропускает сквозь пальцы, любуясь тем, как

гладкая ткань ловит свет, как мерцают сапфиры. Он хочет что-то сказать, но именно в этот миг над нашим столиком материализуется официант.

В руках у него серебряное ведёрко со льдом, а в нём — бутылка вина. Тёмное стекло, этикетка с фамильным гербом, сургучная печать на горлышке — даже не разбираясь в деталях, я мгновенно понимаю, что эта бутылка стоит, как крыло от автомобиля мужа.

— Прошу прощения, — голос официанта обволакивает, словно бархат. — Наш ресторан дарит вам комплимент по случаю вашей особенной даты.

Молодой парень ставит ведёрко на край стола и с лёгким, почтительным полупоклоном отступает на полшага. Максим на секунду застывает с галстуком в руках, потом переводит взгляд на бутылку, и лицо его озаряется пониманием.

— Ах да, — говорит он, усмехаясь краешком рта и откладывая мой подарок на скатерть рядом с приборами, — я, когда бронировал столик, упомянул о поводе. Рокс, кажется, они решили сделать широкий жест.

— Позвольте, я открою? — официант уже извлёк штопор, и его длинные, холёные пальцы профессионально обхватили горлышко бутылки.

— Нет! — произношу я резче, чем собиралась. Оба мужчины переводят взгляды в мою сторону — Максим с удивлением, официант с безупречной невозмутимостью, за которой, я уверена, прячется лёгкое замешательство. — Не нуж-

но его открывать. В конце концов... это слишком дорогой комплимент. Мы ведь заказали своё вино. Разве нет?

Я бросаю взгляд на мужа, ища поддержки собственному иррациональному сопротивлению.

Максим качает головой и мягко, но уверенно кладёт свою ладонь поверх моей.

— Солнышко, это просто вино. И это наш праздник. — Он поворачивается к официанту и коротко кивает. — Открывайте.

Пробка выходит с глухим звуком, и вино, тёмное, густое, льётся в бокал. Аромат, который поднимается от поверхности, довольно многослойный: чернослив, тёмный шоколад и трюфельная нота. Я смотрю, как Максим берёт бокал, делает глоток и прикрывает глаза, пробуя напиток на язык.

— Восхитительно, — выдыхает он, и в голосе его — чистое удовольствие. — Попробуй. Это просто невероятно.

Он пододвигает ко мне второй бокал, и я, помедлив секунду, подношу его к губам. Первый глоток обжигает нёбо, стекает в горло горячей бархатистой волной, и на мгновение я забываю обо всём.

Вино и правда божественное. Я чувствую, как тепло разливается по телу, расслабляя мышцы.

И тут, поднимая глаза от бокала, я вижу его.

В глубине зала, в самой тёмной его части, сидит мужчина. Он неподвижен, и именно эта абсолютная, скульптурная неподвижность заставляет моё сердце споткнуться — не в

переносном, а в физиологическом смысле.

Мужчина поднимает бокал — медленно, тягуче, словно само время подчиняется его ритму. Свет от ближайшей свечи падает на его руку: длинные пальцы, широкое запястье, массивный золотой перстень с тёмным камнем. Бокал замирает на уровне светлых глаз.

И я встречаюсь с его взглядом.

Это происходит в долю секунды — и этой доли достаточно, чтобы весь зал остался без кислорода. Его глаза — слишком светлые для полумрака, — пронзают меня насквозь с точностью хирургического скальпеля. Я не могу определить их цвет: то ли серый лёд, то ли выцветшая голубизна зимнего неба, то ли вовсе бесцветная прозрачность, в которой не отражается ничего, кроме холода.

Но дело не в цвете. Дело в выражении — в том, что на дне плещется.

Насмешка.

Меня прибивает к стулу. Буквально — спинным хребтом я ощущаю каждую перекладину, каждую декоративную пуговицу обивки, впившуюся в позвоночник. Ноги немеют, пальцы, сжимающие ножку бокала, леденеют, и я боюсь, что выпущу стекло и оно разлетится вдребезги о мраморный пол. Пригубленное мгновение назад вино всё ещё держится на языке, но теперь его послевкусие кажется горьким.

В этом взгляде нет угрозы в привычном понимании — нет прямой агрессии.

Так смотрит коллекционер заинтересованно на картину, которую пока не купил, но твёрдо намерен приобрести. Так смотрит шахматист, уже просчитавший партию на десять ходов вперёд и точно знающий, каким именно образом поставит мат.

Он слегка наклоняет бокал в мою сторону — даже не кивок, а так, лёгкое движение запястьем, — и тонкая улыбка трогает его губы. Только глаза остаются такими же ледяными, как прежде.

— Рокс, — голос Максима доносится будто сквозь вату, — что с тобой? Тебе плохо?

Я с трудом разрываю зрительный контакт и поворачиваюсь к мужу. Он уже убрал галстук в коробочку, отложил её в сторону и теперь напряжённо смотрит на меня, слегка наклонившись вперёд.

— Всё хорошо, — выжимаю улыбку.

— Тогда почему ты смотрела на того человека, словно увидела привидение? Ты его знаешь?

— Тебе показалось. Я его не знаю.

Откровенная ложь.

ГЛАВА 4

Я заставляю себя дышать ровно. Хотя в висках стучит, и этот стук отдаётся по всему позвоночнику, и до кончиков пальцев.

— Точно всё в порядке? — Максим накрывает мою ладонь своей. Его пальцы тёплые, надёжные. Я цепляюсь за это ощущение. — Может, вино слишком крепкое?

— Нет, всё отлично. Просто... духота немного. И голова закружилась от шампанского, мы же смешали. — Я улыбаюсь — слишком широко, слишком старательно.

— Давай попросим воды? Или выйдем на воздух?

— Не надо, уже прошло.

Я отнимаю руку под предлогом поправить салфетку и делаю ещё глоток — теперь уже машинально, не чувствуя вкуса. Взгляд невольно скашивается влево, в ту сторону, где сидит незнакомец.

Его столик пуст. Приборы не тронуты. Салфетка сложена идеальным прямоугольником. Только бокал с тёмным вином.

— Лана. — Голос мужа возвращает меня. — Ты меня слышишь?

— Прости?

— Я говорю: утка хорошая? Ты почти не ешь.

Я перевожу взгляд в тарелку. Розоватые ломтики утиной

грудки разложены по-прежнему красиво, но теперь вызывают тошноту. Я отрезаю кусочек, отправляю в рот, жую, не чувствуя вкуса.

— Очень вкусно. Правда.

— Ну расскажи тогда, — Максим откидывается на спинку стула, берёт бокал и делает глоток, поглядывая на меня поверх ободка, — про галстук. Где ты его заказала? Видимо, запонка — это ювелирная работа. Неужели у Ветрова?

— Да, у него. — Ветров — наш общий знакомый ювелир, который делал ещё моё помолвочное кольцо. — Он три недели возился. Сказал, что сапфиры именно того оттенка, какой я описала, пришлось везти из Таиланда. А шёлк с одного аукциона в Лионе. Ткань пятидесятих годов, представляешь? Хранилась в рулоне десятилетиями.

— Ты с ума сошла, — он качает головой, но глаза его сияют. — Сколько?

— Неважно. Это подарок.

— Лана...

— Максим, правда. — Я кладу ладони на стол, чуть наклоняясь вперёд и стараясь, чтобы голос звучал легко, почти игриво. — Не спрашивай, сколько стоил галстук.

Он смеётся — коротко, довольно — и снова берётся за бокал.

— Ты всё ещё самая удивительная женщина из всех, что я встречал.

— Спасибо за комплимент. За восемь лет твоё восприя-

тие могло измениться.

— Могло с кем угодно, но не со мной.

Разговор возвращается в спокойное русло. Мы говорим о Лёве, о предстоящей поездке к родителям, о том, что летом надо бы покрасить дачу. Максим рассказывает смешную историю про коллегу, который перепутал созвон с клиентом и явился на встречу в пижамных штанах поверх ботинок, потому что забыл переодеться после «Zoom-совещания в кровати». Я смеюсь, он улыбается, и всё вроде бы становится на свои места.

Но я всё равно чувствую это.

Чувствую затылком. Лопатками. Это ощущение похоже на инфразвук, который улавливаешь волнами.

— Лана. — Максим снова вырывает меня из омута. — Ты опять на себя не похожа.

— Устала, — признаюсь я, и это фактически правда. — Тяжёлая неделя. Лёва капризничает, у него лезут коренные зубы, мы не спали две ночи. Забыла, каково это.

— Прости, я, наверное, зря затеял этот выход. Может быть, стоило просто заказать ужин домой?

— Нет-нет, — протестую я слишком горячо. — Всё прекрасно. Мне нужно было выйти, встряхнуться. Здесь чудесно. Просто дай мне ещё пару минут, я догоню тебя по настроению.

Я вижу, что Максим не вполне верит, но он слишком хорошо воспитан, чтобы давить. Вместо этого он берёт мою

руку, подносит к губам и целует запястье — туда, где бьётся пульс, — и от этого простого жеста меня отпускает. Словно невидимые тиски, сжимавшие грудную клетку последние четверть часа, немного разжались.

— Я люблю тебя, — говорит он. — Очень.

— Я знаю. Я тебя тоже.

Он удерживает мою ладонь в своей, и я вижу, как свечной огонёк отражается в его зрачках, делая их золотисто-карими.

— Ну, — Максим отпускает мою руку и поднимается, — раз уж ты ходила приводить себя в порядок... Пожалуй, моя очередь посетить джентльменскую комнату.

Он подмигивает, и я выдавливаю улыбку в ответ.

— Иди. Я пока доем утку. Обещаю.

— Ты обязана её съесть, она стоит как чугунный мост, — шуточно грозит он пальцем и уходит.

Я слежу за ним взглядом: удаляется уверенной, чуть пружинистой походкой, поправляя на ходу запонку, и исчезает за поворотом.

В зале становится тише.

Оркестр берёт паузу. Разговоры за соседними столиками стихают до шёпота, и только слышно, как потрескивают свечи. Остаюсь одна, и это чувство возвращается.

Сначала — тишина, сгустившаяся до плотности воды. Потом — холод, пробежавший по спине. А затем...

Скрип отодвигаемого стула.

Прямо напротив меня.

Я застываю, не донеся бокал до губ, и вижу, как длинные пальцы с массивным золотым перстнем ложатся на скатерть, как тёмный костюм вбирает свет, как его силуэт заполняет пространство по ту сторону стола.

Он садится на место Максима. Медленно, вальяжно — так садятся в собственное кресло после долгого отсутствия. Кладёт ладони плашмя по обе стороны от приборов и ухмыляется.

Вблизи становится ясно то, чего я не разглядела на расстоянии. Его волосы, которые в полутьме показались просто светлыми, на самом деле — платиновые, но не седые. Они зачёсаны назад и собраны в низкий хвост, открывая чистую линию лба. Скулы острые, как лезвия, рот тонкий, изогнутый в полуулыбке, адекватной моменту, но не ситуации, и эти глаза... теперь я вижу их отчётливо — они цвета выцветшего стекла, старого зеркала, в котором ничего не отражается.

Я чувствую, как волосы на затылке встают дыбом. Физически, до мурашек.

— Здравствуй, Роксолана, — произносит он, и мой позвоночник превращается в натянутую до предела струну.

Я открываю рот, но звука нет. Связки сжаты спазмом. Единственное, что я могу, — это вцепиться ногтями в край стола, чувствуя, как гранит прожигает холодом подушечки пальцев.

— Давно не виделись, — продолжает он, и тонкая улыбка не затрагивает его светлых, вымороженных глаз. — Ты всё

так же прекрасна. Жемчуг тебе к лицу. Настоящий?

В этот самый момент — когда грань между явью и удушьем становится практически неразличимой — происходит нечто, чего я не ожидаю.

К нашему столу подходит девушка. Молодая — лет двадцати двух, не больше. Высокая, с длинными тёмными волосами, уложенными в голливудскую волну, в узком платье цвета марсала и с бриллиантовыми каплями в ушах. У неё гладкая загорелая кожа, идеальный маникюр и такая естественная, лёгкая грация, какая бывает у очень дорогих девушек, привыкших к обществу мужчин определённого круга.

— Милый, прости, я в спа задержалась, — произносит она низким, грудным голосом, кладёт ладонь на плечо мужчины и смотрит на него с собственнической нежностью.

— Оно того стоило. Выглядишь на все сто.

А потом она переводит взгляд на меня, и её улыбка, адресованная мне, — светская и равнодушная. Так улыбаются жёнам деловых партнёров на корпоративных приёмах: мы с вами в одной лодке, но это не значит, что мы подруги.

— Спасибо, дорогой. И вас благодарю, — обращается мисс «роскошь», — спасибо, что развеяли скуку моему жениху. Познакомишь? — спрашивает она, опускаясь на соседний стул — тот самый, где ещё недавно лежал мой клатч. Девушка грациозно поправляет платье, закидывает ногу на ногу и кивает официанту, чтобы ей принесли бокал.

Мужчина поворачивает голову к ней — медленно, с лен-

дой, — и его рука накрывает её ладонь, всё ещё лежащую на его плече.

— Это Роксолана, — говорит он, и его голос сочится ядом, замаскированным под мёд. — Знакомая из прошлого. А это Вероника. Моя спутница.

— И твоё будущее, — надув губы, дополняет.

Вероника протягивает мне руку для пожатия — холёная кисть с единственным кольцом, изящным, платиновым. Я механически пожимаю её, и в этот миг возвращается Максим.

Он идёт через зал уверенной походкой, поправляя запонку на манжете, и, приблизившись к нашему столику, застынет на секунду, оценивая картину: незнакомый мужчина на его месте и молодая красивая девушка с бокалом в руках.

Я ожидаю, что он сейчас напряжётся, потребует объяснений, встанет между мной и этим человеком. Но Максим делает нечто совершенно иное.

Он смотрит на мужчину. Потом на Веронику. Потом снова на мужчину, и его лицо разглаживается. Знакомая морщинка между бровей исчезает. Плечи опускаются. Уголки губ чуть приподнимаются в очаровательной улыбке.

— Максим Андреевич, — произносит мужчина, не вставая. Его голос теперь — сама любезность. — Рад знакомству лично. Мы не представлены, но я много о вас слышал.

— И откуда идут слухи?

— Мы работаем в одной компании. — Он поднимает бо-

кал, который словно по волшебству оказывается в его руке.

— Серьёзно?

— Я отвечу на ваш вопрос, если позволите присоединиться.

Мой муж не хмурится, не спрашивает, кто этот незнакомец и почему он сидит за нашим столом. Вместо этого он переводит взгляд на Веронику — та дарит ему ослепительную, чуть смущённую улыбку, поправляя прядь волос за ухо жестом, исполненным девичьей непосредственности, — и вдруг расслабляется. Окончательно. Так расслабляется человек, который минуту назад ожидал подвоха, а вместо этого обнаружил старых друзей.

— Рад знакомству, очень приятно, коллега, — говорит Максим, и его голос звучит легко, почти игриво. Он берёт стул от соседнего столика, придвигает его и садится сбоку, так, что теперь мы образуем странную компанию из четырёх человек. — Максим, — представляется он и протягивает руку мужчине.

Тот пожимает её — крепко, по-деловому.

— Взаимно. А это Вероника, — незнакомец легонько подталкивает девушку локтем, и та смеётся коротким, музыкальным смехом.

Я сижу, не в силах произнести ни звука, и смотрю, как мой муж с открытой улыбкой подзывает официанта и просит принести ещё два бокала. Как он предлагает Веронике попробовать рибай, расспрашивает её о чём-то незначитель-

ном. Как он обменивается с незнакомцем парой ничего не значащих фраз и совершенно не замечает, что мои руки под столом дрожат.

— Лана? — Максим наконец поворачивается ко мне. — А ты как думаешь?

— Что? О чём ты?

— Удивительно. Моя супруга весь вечер сама не своя, — по его тону я слышу, что он ничуть не встревожен. Вероника уже щебечет что-то о том, какая я загадочная женщина, а мужчина напротив поднимает свой бокал и ловит мой взгляд. Он делает глоток и, опуская стекло, задумчиво поворачивает его в пальцах. — Может, произнесёшь тост?! — не отстаёт супруг.

— Лучше ты.

— Итак, тост. Максим, — произносит неожиданно человек напротив, — вам знакомо чувство, когда теряешь что-то настолько важное, что внутри образуется дыра? Не просто пустота... а голодное, ноющее пространство, которое меняет вкус всего вокруг?

Максим хмурится, но улыбка не сходит с лица:

— Пожалуй, да. В юности я потерял отца, и казалось, мир выцветает. Но со временем боль утихает.

— Я не о смерти. Я о том, что ты выпустил из рук сам. Ошибка, слабость, глупость... — он выдерживает паузу, перекатывая ножку бокала между пальцами, — чужая воля. Ты живёшь, дышишь... а дыра внутри зудит.

Я чувствую, как Максим напрягается. Не из-за подозрения — из-за неожиданной глубины разговора.

— Звучит как личный опыт.

— Скорее наблюдение. Я заметил, что люди, которые теряли нечто подобное, узнают друг друга в толпе.

Его взгляд на мгновение падает на меня — и я понимаю, что последние несколько секунд не дышала.

— И что же они делают потом? — Максим делает глоток.
— С этой дырой?

— Пытаются заполнить. Кто-то алкоголем, кто-то чужим теплом. Идиоты верят, что смогут найти замену. — Он лениво поглаживает Веронику по запястью, но в этом жесте нет любви, только холодная демонстрация. — С мозгами понимают, что единственный способ избавиться от пустоты — вернуть то, что её оставило.

Я слышу свой голос раньше, чем успеваю остановиться:

— Исходя из разговора, вам грабли по душе? — буквально выносит от самоуверенности, не выдерживаю внутренне-го накала. — А как же двигаться дальше и отпустить?! Не пробовали?

Максим удивлённо смотрит на меня. Ян расплывается в улыбке — словно я сделала ход, которого он ждал.

— Все зависит от обстоятельств, Роксолана, — говорит он, и моё имя в его устах звучит как пароль, открывающий дверь в преисподнюю.

Повисает тишина, в которой, кажется, слышно, как пла-

вится воск.

Максим переводит взгляд с меня на гостя и обратно, морщинка между бровей углубляется, но Вероника, ощутив неловкость, умело разряжает обстановку звонким смехом:

— Милый, ты сегодня слишком мрачен! Напугаешь людей. Давайте лучше выпьем.

— Отличная идея, — "милый" поднимает бокал, и все зеркала в зале ловят отблеск вина. — Я хотел предложить тост. За женщин, благодаря которым мужчины становятся лучше... И за то, что настоящие потери — лишь иллюзия. Всё, что по-настоящему твоё, к тебе возвращается. Даже в следующей жизни.

Вероника расцветает, Максим добродушно кивает, думая, что это красивая философская фраза. И только я вижу, как пальцы мужчины, сжимающие ножку бокала, на мгновение белеют — совсем как мои собственные.

— Лучше и не скажешь. Однако вы довольно скрытны... коллега, мы так и не услышали вашего имени.

— Меня зовут Ян. Ян Бесов.

— Обожаю тебя, дорогой. Звучит очень сексуально. — смеётся Вероника.

ГЛАВА 5

Я просыпаюсь от того, что маленькая пятка настойчиво упирается мне в поясницу, словно Лёва даже во сне пытается отвоевать каждый сантиметр кровати.

Поворачиваюсь, поправляю одеяло и всматриваюсь в его лицо: рот приоткрыт, длинные ресницы подрагивают — ему наверняка снится что-то грандиозное, — а в кулачке зажат пластмассовый тираннозавр, которого Максим подарил перед отъездом.

— Он будет тебя охранять, пока меня нет, — сказал тогда муж, опуская игрушку в ладошки сына, и Лёва воспринял это с абсолютной серьёзностью. Теперь динозавр кочует с ним повсюду — в сад, в ванну, под подушку, — как молчаливый страж, на которого возложена миссия вселенской важности.

Осторожно, чтобы не разбудить, выбираюсь из-под одеяла. Семь утра понедельника. Впереди — каша, сборы в сад, пробки, работа. Обычный будничный день, который я научилась ценить за его обманчивую предсказуемость — за иллюзию контроля, которая разбивается вдребезги, едва ты в неё поверишь.

С кухни доносится писк телефона — сообщение от Максима пришло ещё ночью. Фотография: небоскрёбы Франкфурта-на-Майне в закатном свете, тёмная лента реки, мосты.

Подпись: «Скучаю. Как Лёвины зубы?»

Я улыбаюсь. Последние дни муж звонил реже, чем обещал, — то совещания допоздна, то ужины с технологами, — но сообщения присылал исправно. Иногда с фотографиями, иногда просто: «Вы мой воздух».

Пишу в ответ: «Зубы лезут, мы почти не спим. Но боевой дух на высоте)))». Добавляю сердечко.

— Папа звонил? — хриплым со сна голосом спрашивает сын, появляясь на пороге кухни, всё ещё с игрушкой наперевес.

— Прислал сообщение. Спрашивал про твои зубы.

— Скажи, что уже почти вылезли. Самые большие! Как у тираннозавра.

— Обязательно скажу. А пока — умыться и завтракать. Иначе опоздаем, и тираннозавр останется без завтрака, а это очень опасно.

После завтрака — привычная гонка: шнурки «как папа, двойным бантиком», согласие на экскурсию, забытое на холодильнике, пробки, поцелуй в щёку у дверей группы. Я возвращаюсь в машину и на секунду прикрываю глаза.

Вроде всё хорошо. Тихо, мирно, привычно. Максим в командировке, Лёва в саду, я нужна на работе. Жизнь идёт своим чередом. Стрекошет сверчком, притворяясь безобидной.

Именно в этот момент звонит ассистентка.

— Роксолана Дмитриевна, тут курьер. Говорит — срочная доставка лично вам в руки. Впустить?

— Что за доставка?

— Не говорит. Без вызова. Но утверждает, что по личному поручению.

— Пропустите.

Через десять минут я вхожу в свой кабинет и вижу на столе небольшой свёрток. Ни коробки, ни подарочного пакета — просто плотная вощёная бумага, перевязанная бечёвкой, грубой, как на старых посылках. С запиской, но без обратного адреса.

Разворачиваю.

Внутри лежит гранат.

Идеальный, тяжёлый, с глянцевой кожурой цвета запёкшейся крови. Он пахнет — едва уловимо — терпкой сладостью.

Я замираю. Пальцы, держащие плод, начинают мелко подрагивать. В висках стучит метрономом паники.

«Надеюсь, ты всё ещё любишь гранаты».

— Чёрт бы тебя побрал.

Я убираю плод в ящик стола. Руки всё ещё дрожат. Глубокий вдох. Выдох. Это просто фрукт. Ничего не значащий.

На следующий день всё повторяется. Снова курьер, снова гранат. На этот раз его приносят не в офис, а домой через службу доставки.

Звонок в дверь раздаётся в девять вечера, когда я укладываю Лёву.

— Мам, кто там? — сонный голос из детской.

— Никто, зайчик. Ошиблись дверью. Спи.

Гранат ложится в вазочку поверх вчерашнего.

Ещё через день гранат оказывается в моей машине. Я не знаю, как он туда попал. Сигнализация сработала штатно, двери закрыты, никаких следов взлома.

Они появляются на подоконнике моего кабинета, на рабочем столе.

Один раз фрукт приходит с букетом цветов, и карточка гласит: «Лучшему партнёру от благодарных клиентов». Но я знаю: клиенты тут ни при чём. Я узнаю этот почерк — острый, летящий, с петлями, похожими на затягивающиеся удавки.

Максим звонит каждый вечер — иногда по видео, иногда просто голосом. Рассказывает про немецкий педантизм, про собор с горгульями, про то, что белая спаржа на вкус как трава. Его голос — островок нормальности посреди моего тихо сходящего с ума мира. В один из дней он, смеясь, сообщает:

— Представляешь, встретил тут нашего коллегу. Того самого, из ресторана, помнишь? Яна Бесова. Оказывается, у него тоже здесь командировка, параллельный проект. Удивительное совпадение. Передавал тебе привет, сказал, что ты очаровательная женщина. Я с ним согласился. — Он смеётся, а у меня перехватывает дыхание. Голос мужа звучит беззаботно, он не видит подвоха, для него это просто случайная встреча двух знакомых в чужом городе. Но для меня — нет. В груди разрастается холод, расплзается корнями по рёб-

рам.

В среду вечером, уложив Лёву, я сижу на кухне с чашкой чая, просматривая информацию в ноутбуке, как вдруг телефон оживает — видеовызов от Максима. Я торопливо принимаю вызов.

— Привет, родная! — лицо мужа возникает на экране. Он выглядит усталым, но довольным, в расстёгнутой рубашке, где-то на фоне виднеется гостиничный номер, приглушённый свет. — Как вы там? Лёва спит?

— Только уложила. Опять с тираннозавром в обнимку.

— Молодец, пацан. — Максим улыбается, потом отпивает что-то из стакана. Лёд позвякивает о стекло. — Слушай, у меня две новости. Обе, довольно-таки, приятные.

Я напрягаюсь, хотя голос мужа звучит беззаботно.

— Начни с хорошей.

— Они обе хорошие, — смеётся он. — Первая: я тут нашёл потрясающий магазинчик с моделями динозавров — ручная работа, представляешь? Привезу Лёве второго, пусть у тираннозавра появится брат. А вторая... — он выдерживает паузу, — вторая ещё интереснее. Помнишь, я говорил, что в компании грядёт смена руководства? Так вот, официально объявили: через десять дней большой приём — знакомство с новым составом совета директоров. Вся верхушка приглашена, плюс руководители департаментов с супругами. Мы в списке, Лана.

— В каком смысле — «мы в списке»? — мои губы немеют.

— В прямом. Нас пригласили. Точнее, меня — как главу отдела, и тебя — как мою жену. — Он подмигивает. — Так что, будь добра, подбери себе идеальное платье. Я хочу, чтобы ты там сияла. У нас десять дней, можно успеть заказать что-то невероятное.

— Максим, я... — слова застревают в горле.

— Лана, — он становится серьёзнее, и улыбка сползает с его лица, оставляя только деловую маску. — Это важно для моей карьеры. Новое руководство, новые правила. Нужно показать себя с лучшей стороны. А у меня лучшая сторона — это ты. Прошу тебя.

Я сглатываю. В горле — ком, колющий, как гранатовая косточка.

— Хорошо, — говорю я. — Я подберу платье.

— Умница! — Максим расплывается в улыбке. — Обещаю, через пять дней вернусь, и у нас ещё будет время на примерки. Я, кстати, присмотрю себе новый костюм. Надо соответствовать.

— Максим, — перебиваю я резче, чем хотела, — а кто именно из нового руководства будет на приёме? Ты знаешь фамилии?

— Пока нет, всё держат в строжайшем секрете. Даже для нас. — Он отпивает ещё глоток и понижает голос, словно сообщает заговорщицкую тайну. — Говорят, будет некая «теневая фигура» — человек, которого никто не видел, но который уже навёл шороху во Франкфурте. Серьёзный игрок.

Интригуют. Может, какая-нибудь акула из Европы. Но ты не переживай, мы справимся. Главное — выглядеть достойно.

«Теневая фигура». «Навёл шороху во Франкфурте».

Дыхание спирает. Я смотрю на салфетку, под которой лежат гранаты, и внезапно понимаю с тошнотворной ясностью: это он.

— Лана? Ты ещё тут? — голос Максима пробивается сквозь плену.

— Тут. Просто... задумалась о платье.

— Выбирай самое сногшибательное. Я хочу, чтобы все видели — у меня самая красивая женщина в этом городе.

— Хорошо, — повторяю я. — Подберу.

— Деньги перевел на карту, просмотри баланс, солнышко. Только не падай со стула от цифр.

Мы прощаемся. Экран гаснет.

ГЛАВА 6

— Что бы ни произошло на том приёме, — произнесла я твёрдо, — я всегда буду за мужа и рядом с ним, — закончила теперь с нажимом.

Бесов выслушал, демонстрируя полное равнодушие и пренебрежительный взгляд.

Тишину разбила требовательная вибрация. Бесов опустил взгляд на телефон, и только сейчас нечитабельная линия лица переменилась — черты заострились, приобрели деловую жёсткость.

— Прошу прощения, господа. Вынужден откланяться. — Он поднялся одним текучим движением, бросил на стол купюры, с избытком покрывавшие его заказ. Короткий кивок — общий, всему столу. — Был рад увидеться. Роксолана...

Моё имя он произнёс, будто пробовал каждую букву на вкус, — и вышел, на ходу поднося трубку к уху.

Я выдохнула — оказывается, всё это время держала воздух в лёгких.

За столом переглянулись, кто-то отметил, что Бесов и есть настоящий Бес, чертовски харизматичный, загадочный и со стальными яйцами, но после быстро вернулись к своим разговорам. Минутная тень, которую отбрасывал Бесов, рассеялась, и снова зазвучали шутки, смех, звон бокалов.

Лишь изредка я поглядывала на дверь, за которой мужчи-

на исчез, и внутри продолжало вибрировать от несущей двусмысленности Бесова.

Прошло приблизительно тридцать минут. Я пила пиво маленькими глотками, поддерживая разговор — что-то о школах, о детях, о ценах на отдых в Турции, — но взгляд то и дело соскальзывал к входу. Но он не появлялся.

— Ребята, я, пожалуй, тоже поеду, — я встала, цепляя за собой пиджак и сумочку. — Устала что-то.

— Рокси, ну ты чего! — Ася всплеснула руками. — Ещё рано!

— Завтра дел много. Созвонимся.

Попрощалась быстро, увернулась от Асиных объятий с требованием «в следующую субботу — шопинг, и никаких отговорок» и выскользнула на улицу.

Вечер встретил колючей изморосью. Я поёжилась и накинула пиджак, достав из кармана телефон.

Необходимо срочно вызвать такси. Приложение зависло на секунду, подгружая карту. В очереди — семь машин, подача через пятнадцать минут. Я прислонилась спиной к стене бара, чувствуя, как сквозь одежду проступает ледяное дыхание старого кирпича.

Набрала дедуле и в ожидании ответа представила, как телефон надрывается в тишине его дома — старый проводной аппарат на тумбочке в кухне, тот самый, что помнил ещё позывные «Маяка».

— Алё, — голос Степана Ивановича был тёплым, чуть

хрипловатым со сна.

— Дедушка, это я. Прости, что разбудила?

— Не тараторь почём зря, я ещё и не ложился толком. Телевизор смотрел, задремал перед экраном. У тебя как? Платье купила?

— В целом всё хорошо, но поиск платья продолжается. А Лёва как?

— Богатырь. Набегался за день — спать уложил без капризов. Не волнуйся, всё путём. Завтра я сам привезу его. Только скажи, во сколько.

— Я напишу. Спасибо, целую.

— Береги себя, девочка моя, — отозвался дед.

— Обязательно.

Попрощавшись с бабушкой, мои пальцы автоматически скользнули по экрану — хотелось пожелать спокойной ночи Максиму.

Гудки. Один. Второй. Третий. Четвёртый.

А затем в динамике прозвучало механическое «Абонент временно недоступен. перезвоните позднее».

Сжав челюсти, сбрасываю звонок. Наверное, он занят, а может, спит уже.

Такси до сих пор находилось в пятнадцати минутах — иконка машины не двигалась по карте.

А потом я услышала низкий звук двигателя.

Чёрный автомобиль скользнул к тротуару, подъезжая плавно прямо ко мне, и тонированное стекло поползло вниз

бесшумно, открывая лицо, которое я не предполагала больше увидеть этим вечером.

— Садись. Подброшу до дома.

— Вы что, следите за мной? — я скрестила руки на груди, чувствуя, как холод добирается до костей сквозь тонкий шёлк блузы.

— Всего лишь заметил, задержавшись после звонка. Ждёшь такси?

— Именно. Уже вызвала.

— Отменяй. Я подвезу.

— Спасибо, но нет. Машина уже близко.

— Роксолана. — Он чуть склонил голову. — Ты замёрзнешь и впоследствии заболеешь. К чему лишние действия? Садись.

— Я сказала — нет.

Он выдержал короткую паузу.

— Неужели боишься? — произнёс он тихо. — Думаешь, я на тебя наброшусь?

— Я не боюсь, — голос прозвучал резче, чем хотелось. — Просто не вижу смысла.

— Смысл в практичности. Твоё такси простоит в пробках, так как сейчас вечерний час пик. Тем более в выходной, город стоит. Подумай сама: тебя довозят до дома на автомобиле люкс-класса за несколько минут. Без пробок и с подогревом сиденья. Да ещё и бесплатно.

Бесов чуть улыбнулся уголком рта, — и проявилось почти

неуловимое, тень вызова: «Слабо?»

И всё же я уловила.

Я бросила взгляд на телефон — время ожидания машины не изменилось. В раздражении отменила заказ.

— Не интересуется.

— Это странно, ведь ты отменила вызов.

— Закажу другую машину.

— Выходит, я был прав, и ты ко мне равнодушна.

— Не льстите себе. Но хорошо, — выдохнула я, чувствуя, как последнее слово осталось за ним, и от этого внутри всё скрутило в тугой узел. — Только до дома. Молча.

— Договорились. Молча, — с самым серьёзным выражением лица ответил.

Ян потянулся к пассажирской двери и открыл её изнутри. Я скользнула в салон, стараясь не коснуться его руки, замершей на подлокотнике, — но всё равно задела плечом, и ткань пиджака мазнула по его запястью. Разряд. Мгновенный и острый, как искра от синтетики в сухом воздухе.

Салон встретил меня запахом — плотным, многослойным: дорогая кожа сидений, едва уловимый шлейф мужского парфюма, смешанный с ароматом подогретого воздуха.

Пространство, лишённое примет жизни, до идеала стерильно. Ни пылинки на приборной панели, ни забытой мелочи в подстаканнике.

Автомобиль тронулся с места плавно, бесшумно, и под бёдрами ожил подогрев. Тепло потекло вверх по позвоночнику, разжимая ледяные узлы между лопаток.

— Адрес? — бросил он, не поворачивая головы. Профиль на фоне сумерек выпекался резкой чеканкой скул, твёрдой линией лба, прямого носа, и только губы чуть расслаблены.

Я назвала улицу и дом, на что мужчина лишь кивнул.

В салоне повисла тишина — из тех, что давит на барабанные перепонки. Я смотрела в окно, но боковым зрением ловила каждое его движение: пальцы на руле, и поблёскивающий перстнем, поворот головы на светофоре, как он поправил манжет рубашки — небрежно, двумя пальцами, и я зачем-то отметила, что запонки серебряные, матовые, без гравировки.

— Включите музыку, — попросила я, не выдержав неуютного безмолвия. — Если можно.

— Можно.

Ян нажал несколько кнопок — и салон заполнился звуком. Джазовое фортепиано, низкое, дымное, с тягучей басовой линией, от которой вибрировало где-то в груди.

— Неожиданный выбор, — заметила я, не глядя на него.

— А что ты ожидала услышать? Баха? Или что-то брутальное, под стать образу? — в его голосе мелькнула усмешка. — Разочарована?

— Я вообще о вас не думала, — соврала, и, кажется, он это понял.

— Ты напряжена, — произнёс он.

— Со мной всё в порядке.

— Разумеется. Только не порви ремень безопасности.

Он повернул голову — впервые за поездку посмотрел прямо на меня, и свет уличного фонаря мазнул по его глазам. Серые, практически прозрачные, с тяжёлыми веками. Взгляд, под которым физически чувствуешь себя голой.

Я заставила себя расцепить пальцы. Медленно, по одному. Положить ладони на сумочку, уложенную на коленях. Тихо выдохнула.

— Вам доставляет удовольствие вот так... препарировать людей?

— Мне доставляет удовольствие точность, — он снова переключился на дорогу, но голос звучал ближе, чем должен был. — Что в людях напроць отсутствует. Они вечно врут. Вечно изображают не то, что чувствуют. Ты, например, сейчас из всех сил изображаешь равнодушие, но у тебя пульс херачит — я вижу, как жилка бьётся у основания шеи. Могу даже озвучить ход твоих мыслей.

— Обойдёмся без подробностей, — отрезала я, рефлексивно одёргивая ворот блузы.

— Как скажешь.

Он замолчал, и это молчание стало ещё хуже. Тишина сквозь джазовые аккорды, напряжение, от которого воздух в салоне сгущался, подобно патоке. Теперь я отчетливо слышала запах его парфюма — горький, древесный, с ледяной

нотой в шлейфе, — и он мешался с запахом моей собственной кожи, разогретой дыханием подогрева.

— Почему вы со мной на «ты»? Не помню, чтобы позволяла формат панибратства.

— «Вы» — это точно не про нас, Роксолана. Мы же не чужие. Учитывая, что мой член побывал в тебе глубоко, несколько раз и к тому же первым, а делать вид я не намерен, что между нами ничего не было. — Воздух кончился. Вот так — просто взял и выбил его из лёгких одной фразой, произнесённой деловым тоном. Я сжала зубы и отвернулась к окну, пряча вспыхнувшие щёки.

— Случайный и ничего не значащий секс в далёком прошлом не даёт права, — парировала непреклонно.

— Если тебе будет как-то легче, — продолжил он, проигнорировав мой выпад. — Будь по-твоему: на людях будем соблюдать дистанцию, холодную вежливость и выкать. Исключение — когда мы остаёмся наедине. Это придаст больше... — он сделал микропаузу, — остроты ощущений нашим встречам. Устраивает? — Он повернул руль, и машина ушла влево. Центробежная сила качнула меня к нему — я инстинктивно выбросила руку и упёрлась ладонью в крепкое предплечье. Мышца под тканью была твёрдой, горячей — я отёрнула пальцы, как от раскалённого железа. — Осторожно, — произнёс он, не глядя на меня.

— Вы слишком самонадеянны, — постаралась вбросить в голос максимум яда, но вышло сипло. — С чего вы взяли,

что подобное может повториться, да ещё на постоянной основе? Шкала вашего раздутого эго буквально зашкаливает.

— Скажем, интуиция. И ещё — физика.

Окатило негодованием. Снова этот тон — препарирующий, спокойный, непозволительно интимный.

— Не знаю, о какой физике идёт речь, но ваша интуиция явно даёт сбой, — ирония сочилась, но щёки пылали вовсю.

— Ты изменилась, — произнёс он, и в его голосе впервые за вечер прорезалось что-то, отдалённо похожее на человеческую интонацию. — Нарастила зубки. Огрызаешься. Раньше краснела, когда я на тебя смотрел, рдела в моём присутствии. А теперь обороняешься, даже когда я ничего не делаю.

— О границах что-нибудь слышали? Это помогает сбить спесь хамам и типам, нагло переходящим её.

— Хорошо, что я не отношусь к перечисленным индивидам. У них ведь не хватит мозгов подвезти молодую девушку до дома, заботливо включив подогрев сиденья, и поставить приятную музыку... И как истинный джентльмен, я не позволил в одиночестве девушке остаться в тёмном переулке.

— Ещё скажите: «агнец божий».

— Точно нет. — Он сбросил скорость перед светофором и повернулся ко мне — на этот раз полностью, всем корпусом. Его плечо почти касалось моего, и жар мужского тела невозможно не почувствовать. — У тех, кто с нимбом, хуй колом не стоит на женщину, которая всё ещё интересна спу-

стя несколько лет.

— Это ничего не значило. Повторяю.

— Но реакция твоего тела сдаёт тебя с головой. Значит, оно всё ещё помнит, как и моё, собственно.

Светофор переключился на зелёный. Машина тронулась — а я всё сидела, чувствуя, как его последняя фраза пульсирует в воздухе, оседая на коже липкой плёнкой.

— Хотела напомнить: у вас есть Вероника, — сказала я, ненавидя себя за то, что голос дрогнул.

— У тебя есть Максим, — отбил он мгновенно. — И что? — Он замолчал. Я тоже молчала. За окном проплывали знакомые улицы — уже скоро мой дом.

— Я замужем, у вас память отшибло.

— Нет, ты прикрываешься статусом. Потому что боишься, — выплюнул Ян, не глядя на меня. В голосе ни торжества, ни насмешки — констатация факта. — Но это временное явление, и на замену страха придёт страсть, желание.

— Что за дичь вы несёте? — я почти выкрикнула, разворачиваясь к нему всем корпусом.

— Дичь? — он повторил слово с таким выражением, будто пробовал дешёвое вино. — Нет. Просто предупреждение. И знаешь что ещё? — Бесов придвинулся, и теперь я ощутила тёплое дыхание с примесью кофе и чего-то мятного. Чувствовала обволакивающую энергию, исходящую от массивного тела, — оно било статикой, пробивая защиту моего пиджака, моей выдержки и здравого смысла. — Ты ко мне

приедешь, — прошептал, будто поделился секретом. Машина свернула в мой двор. Знакомый ряд припаркованных автомобилей, чахлые кусты вдоль тротуара, жёлтые прямоугольники многочисленных окон. Бесов остановил машину и заглушил двигатель. И я мгновенно услышала собственное сердце — слишком быстрое и хаотичное.

— Подобному не бывать.

— Когда этот момент настанет, я скажу: я же говорил.

— Вам бы к психологу, — и мой совет: обратитесь как можно скорее.

— Вот и первые шаги. Ты уже проявляешь заботу, — упрямо говорил.

— Вы чудовищно циничны.

— Приехали, — выдохнул он.

— Спасибо, что подвезли. — Я дёрнула ручку, но глухой щелчок ударил по перепонкам. Дверь заблокирована.

Сердце ударилось в горло. В голове на секунду стало пусто и звонко, как в падающем лифте. Я повернулась к нему, встречаясь со светлыми глазами, внимательно наблюдающими за моими действиями.

— Бесов, откройте дверь, — произнесла я, и голос предательски сорвался.

— Роксолана. — Мужчина наклонился ещё ближе, и теперь его губы были у самого моего виска. Я чувствовала каждое слово кожей — как тёплую волну, пробегающую от уха вниз по шее. — Послушай меня. Я скажу только раз. То, что

готовится на приёме, затронет тебя напрямую. И выбор, который тебе придётся сделать, будет сложнее, чем ты думаешь. Когда этот момент наступит, просто помни: я никогда не действую без причины. И я никогда не предлагаю дважды. — Его пальцы коснулись моего запястья почти невесомо, но этого хватило, чтобы по коже побежали мурашки, а дыхание сбилось окончательно. Он провёл подушечкой большого пальца по тыльной стороне моей ладони — один раз, как будто считывая пульс. И убрал руку. Дверь щёлкнула, открываясь. — Доброй ночи, Роксолана.

ГЛАВА 7

Суббота вползла в комнату серой ватой низкого неба.

Я открыла глаза и тут же пожалела об этом: в висках пульсировала тупая боль.

Вчерашний вечер аукнулся свинцовой тяжестью в затылке — неудачный шопинг, встреча с Вероникой, а главное, ночь без сна, когда мозг пережевывал одну и ту же мысль, как пластину.

Протянула руку к тумбочке, нащупала телефон. Восемь сорок семь. Лёва не топотал по коридору, не требовал мультиков и каши — и от этой непривычной тишины в квартире стало зябко. Правильно, он у деда. Можно выдохнуть. Можно поваляться. Можно ничего не делать.

Я перевернулась на бок, спустила ноги с кровати. Пол встретил ступни ледяным поцелуем паркета.

Пошла в ванную, по пути стягивая футболку — влажную от ночной испарины. Горячая вода ударила по плечам, и я стояла так минут десять, упершись ладонями в кафель, пока зеркало не заволокло плотным туманом.

Далее по ритуалу кофе со сливками.

С чашкой в руках я прошлась по квартире, разглядывая ее так, словно видела впервые. Пыль на полках лежала тонкой пленкой — за три дня без уборки она уже успела обжиться.

Влажная тряпка, моющее средство с запахом лимона,

механические движения по кругу: подоконник, телевизор, стеллаж с книгами, которые Максим не читал, а я уже не перечитывала. Фикус в углу поник — я полила и его, бормоча извинения.

Готовка заняла час с небольшим. Суп-пюре из цветной капусты — кремообразный, с каплей трюфельного масла. Когда-то я любила готовить сложные блюда, но теперь даже это превратилось в автоматический ритуал, лишенный удовольствия.

Телефон ожил, когда я домывала кастрюли.

На экране высветилась фотография Аси — хохочущей, с бокалом martinis, снятой в какой-то безумный вечер лет пять назад. Я вытерла руки полотенцем и нажала «принять».

— Привет, пропащая! — голос Аси ворвался в кухню — бурно, хаотично, освежающе. — Ты живая вообще? Третий день трубки не берешь, я уж думала — всё, Рокси эмигрировала на Бали без предупреждения.

— Живая, живая, — я опустилась на стул, чувствуя, как от одного звука ее голоса отпускает напряжение в плечах. — Просто закрутилась. Максим, Лёва, работа.

— Работа! — фыркнула Ася. — Суббота сегодня, между прочим. Ты забыла? Сегодня же встреча наших орлов в «Градуснике»! В семь! Я заказывала столик, писала в чат, голосовала, напоминала — ты хоть что-нибудь из этого видела?

Я замерла с полотенцем в руке. Точно. Встреча одноклассников. Неофициальная — перед банкетом через неделю, на

который я тоже, по-хорошему, должна пойти. Ася организовала и этот мини-съезд, и тот, большой, с завидным упорством.

— Вылетело из головы, — призналась я. — Совершенно.

— Так я и знала! — в голосе Аси прорезались командирские нотки. — Поэтому звоню лично. Никаких отговорок. Лёву — дедушке, мужа — в игнор, шмотки — на себя и к семи в «Градуснике». Имей в виду: Маринка будет, Костик, Надя, по-моему, даже Вадим из Питера прикатил. Между прочим, он теперь гендиректор какой-то логистической компании! Я видела в соцсетях — растолстел, но порода чувствуется. А еще говорят, Ян Бесов зайдет.

Рука с телефоном дрогнула едва заметно.

— Бесов? С какой стати? Он же на два класса старше.

— Ну, во-первых, параллель пересекается. Во-вторых, его пригласил Костик — они какие-то дела ведут, ты же знаешь Костика, он где бизнес, там и дружба. А Бесов — человек занятой, но сказал: постараюсь заглянуть. Так что есть вероятность лицезреть легенду. Всё, Рокси, без разговоров. Ты меня поняла? В семь. Без опозданий.

И отключилась, не дождавшись ответа.

Несколько минут я сидела неподвижно, глядя на погасший экран. Бесов. Снова это имя, которое преследовало меня последние недели, как навязчивый мотив. Странно, конечно, что ему делать на встрече тех, кто на два года младше? Но Костик действительно мог пригласить кого угодно —

у него был талант обращать любые социальные связи в будущие контракты. А Бесов был фигурой заметной.

Впрочем, сейчас это не имело значения.

Имело значение другое: у меня появился повод выйти из дома, встряхнуться, увидеть людей, с которыми не надо притворяться. Тех, кто помнил меня с косичками и ободранными коленками.

Гардероб перетряхивала без пиетета. Вечернее — в сторону. Брючный костюм — слишком официально. В итоге выбрала черные джинсы, шелковую блузу цвета темной фуксии и пиджак свободного кроя — тот самый, с подплечниками, который Максим называл «ретро-безобразием», а Ася — «сексуальным рейвом». Добавила крупные серьги кольцами, чуть тронула ресницы тушью — никакой базы, никакого контуринга. Сегодня я хотела быть собой, а не отретушированной версией.

«Градусник» прятался в переулке за Технологическим институтом — место с историей. Когда-то здесь была рюмочная для заводских рабочих, потом — полуподвальный рок-клуб, где начинали будущие легенды питерского андеграунда. Теперь — стилизованный под индустриальный шик бар с сохраненной кирпичной кладкой, вентиляционными трубами под потолком и барной стойкой из переработанного дуба.

Я толкнула тяжелую дверь и на секунду зажмурилась —

после уличной серости здесь было теплее градусов на пятнадцать и раз в пять громче. Гул голосов наслаивался на ритмичный бит — диджейский пульт мигал огоньками в углу, и поверх всего этого витал запах: хмель, разогретое масло, чьи-то слишком сладкие духи и едва уловимый аромат старых кирпичей.

— Рокси! Сюда!

Ася махала из дальнего конца зала, где были сдвинуты столы. Я двинулась к ней сквозь толпу — мимо барной стойки с подвесными лампами в проволочных клетках, мимо стены, расписанной граффити в стиле Бэнкси, мимо компании хипстеров, что-то бурно обсуждавших за столиком с веганским меню. С потолка свешивались перегоревшие неоновые трубки — то ли намеренно, то ли руки не доходили заменить.

— Ну наконец-то! — Ася подскочила и стиснула меня в объятиях, пахнущих табаком и иланг-илангом. — Я уж думала, сбежишь.

— Не дождешься.

Я оглядела компанию. Маринка — вечная отличница, а ныне завуч в престижной гимназии — цедила белое вино и что-то рассказывала Костику. Костик, заметно облысевший, но сохранивший мальчишескую улыбку, кивал и одновременно листал ленту в телефоне. Вадим — действительно растолстевший, но импозантный — сидел во главе стола с видом человека, привыкшего руководить. Рядом притулилась Надя, тихая и неизменно элегантная — приталенное

платье цвета марсала, минимум макияжа, на запястье винтажный браслет.

— О, Роксолана! — Костик оторвался от телефона. — А мы тут как раз обсуждали, кто во что оденется на банкет. Маринка грозитя прийти в кокошнике, потому что тема, видите ли, обязывает. Ну, на том приеме.

— Тема бала — «Отблески великой империи», — педантично поправила Маринка. — И между прочим, кокошник — не самая глупая идея. Лучше, чем эти безликие платья из масс-маркета.

— Ну, тебе виднее, — хмыкнула Ася. — Ты у нас специалист по империям.

Разговор покатился легко, перескакивая с темы на тему.

Вспоминали школьные походы, географичку с ее вечной указкой, выпускной, на котором Вадим упал в фонтан. Костик травил анекдоты про налоговую. Надя молча улыбалась, но было видно, что ей хорошо. Я потихоньку цедила нефильтованное и чувствовала, как отпускает, растворяется та тугая пружина, что сжималась в груди с прошлой ночи.

— А ты слышала, что Бесов развелся? — вдруг сказала Маринка, наклоняясь к Наде. — Говорят, громкий процесс был. Жена хотела отжать бизнес, но он вывернулся.

— Это та самая, что сейчас с ним везде? — уточнила Надя.

— Нет, Вероника — это новая. С ней он уже после развода. А до нее была Елена, модель. Та еще стерва, если верить

слухам.

Я слушала молча, покручивая бокал в пальцах. Значит, Вероника — вторая. Или третья. Или неизвестно какая по счету.

— Ну и хватка у него, однако, — хмыкнула Ася. — Знаешь, Рокси, в чем секрет таких людей? Они никогда не спят. Буквально. У них вместо крови — кофеин.

— У него вместо крови — лед, — негромко произнесла Надя и вдруг смутилась. — Мне так кажется. Я его видела пару раз. Улыбается, а взгляд парализующий и хочется сразу провалиться сквозь землю.

— Ой, да бросьте! — вклинился Костик. — Нормальный мужик. Жесткий, да. Но при этом слов на ветер не бросает. Если сказал — сделает. А если пообещал прийти — значит, придет.

— Так он точно будет? — спросил Вадим.

— Сказал: постараюсь.

Я открыла рот, чтобы перевести разговор — слишком уж часто в последнее время звучало имя Бесова — но не успела.

Дверь бара открылась, впуская порцию холодного воздуха и высокую фигуру в черном пальто.

Ян Бесов.

Узнала я его мгновенно — по тому, как неуловимо изменился сам воздух в помещении. Люди не оглянулись, не замолчали, но что-то сдвинулось в силовом поле зала. Он стоял в проеме, стягивая перчатки — неспешно, одну за другой.

Пальто снял, повесил на плечо и двинулся через зал — неторопливо, не глядя по сторонам.

Черный свитер, темно-серые брюки, никаких украшений, кроме массивных часов на запястье. И лицо — резкое, с тяжелыми скулами и высоким лбом, на который спадала прядь светлых волос. Улыбка — вежливая, светская, но глаза действительно не участвовали в ней. Они сканировали пространство отдельно — холодно, прицельно.

— О, легок на помине, — Костик поднялся навстречу. — Ян, рад, что ты выбрался.

— Приветствую, — Бесов коротко пожал ему руку. — Извиняюсь за опоздание. Задержали дела.

Он обвел взглядом стол, кивая знакомым, задержался на секунду на мне — и в этом взгляде что-то мелькнуло: любопытство? Или просто оценка — автоматическая, но фиксирующая детали.

— Всем добрый вечер. Не помешаю?

— Садись, конечно. — Ася подвинулась, освобождая место. — Пиво? Виски? Здесь отличный крафт.

— Виски. Односолодовый.

И сел — ровно напротив меня, так что между нами оказались бутылки, бокалы и чья-то тарелка с начос. Свет от лампы падал на его лицо, прочерчивая резкие тени. Он откинулся на спинку стула и на мгновение закрыл глаза — позволил себе эту роскошь, прежде чем снова надеть маску светского человека.

Разговор возобновился — зазвучали шутки, смех, воспоминания. Бесов участвовал вполголоса, вставляя короткие реплики с той убийственной точностью, которая выдавала острый ум. Ни одного лишнего слова. Ни одной фальшивой ноты. Я смотрела на него поверх бокала и пыталась понять, что чувствую.

Не страх. Скорее настороженный интерес.

— Предлагаю выпить, — Костик поднялся, постучал ножом по бокалу, перекрывая общий гул. — За всех, кто здесь. Без пафоса, без регалий. Мы собрались не ради бизнеса, не ради статуса, а просто потому, что просидели вместе немало лет за соседними партами. Кто-то стал гендиректором, кто-то мамой, кто-то и тем и другим. Но сегодня — как в одиннадцатом классе: никакой субординации, никаких масок. За нас, прежних. И за этот вечер.

Бокалы сошлись над столом с хрустальным многоголосьем. Запястья скрестились, рукава задели рукава. Кто-то — кажется, Вадим — хлопнул Костика по плечу. Ася смахнула со щеки шутовскую слезу. Я пригубила пиво, чувствуя, как холодная горечь оседает на языке, и на секунду позволила себе расслабиться.

Ровно на секунду.

Потому что, когда я подняла взгляд поверх ободка бокала, Бесов уже смотрел на меня прямо.

— Ты изменила прическу, — произнес он негромко, ни к кому конкретно не обращаясь. — С момента нашей послед-

ней встречи.

Я медленно опустила бокал на стол. Не ожидала, что он помнит. И — что заговорит об этом здесь, сейчас, в присутствии людей, которые ни о чем не догадываются.

— У вас хорошая память.

— Избирательная. — Он чуть склонил голову набок, и тени на лице сместились. — Вероника упоминала, что столкнулась с тобой в бутике. Сказала, ты ищешь платье для торжества. Кажется, у нас с вами общие планы на ближайшее воскресенье.

Слова были вежливы, почти светски. Но интонация — иной слой, подводный — обволакивала ледяным течением. Общие планы. Он не уточнил, какие именно.

— Вероятно, — ответила я ровно. — Максим говорил, что прием важный.

— Верно, — согласился Бесов. — Он замолчал и откинулся на спинку стула, но взгляд не отвел. Я чувствовала, как Ася справа что-то шепчет Наде, как Костик смеется над шуткой Вадима, как живет и гудит бар вокруг нас. Но между мной и этим человеком пространство словно загустело, свернулось в кокон, непроницаемый для посторонних шумов. — Я с нетерпением жду воскресенья.., — выдал он наконец. — Уверен, этот вечер расставит многое по местам.

Он сделал глоток, глядя мне в глаза поверх ободка. Я не отвела взгляд. Хотя под ребрами снова тревожно завибрировало — та самая струна, которую тронули и продолжали

натягивать.

ГЛАВА 8

— Что бы ни произошло на том приёме, — произнесла я твёрдо, — я всегда буду за мужа и рядом с ним, — закончила теперь с нажимом.

Бесов выслушал, демонстрируя полное равнодушие и пренебрежительный взгляд.

Тишину разбила требовательная вибрация. Бесов опустил взгляд на телефон, и только сейчас нечитабельная линия лица переменилась — черты заострились, приобрели деловую жёсткость.

— Прошу прощения, господа. Вынужден откланяться. — Он поднялся одним текучим движением, бросил на стол купюры, с избытком покрывавшие его заказ. Короткий кивок — общий, всему столу. — Был рад увидаться. Роксолана...

Моё имя он произнёс, будто пробовал каждую букву на вкус, — и вышел, на ходу поднося трубку к уху.

Я выдохнула — оказывается, всё это время держала воздух в лёгких.

За столом переглянулись, кто-то отметил, что Бесов и есть настоящий Бес, чертовски харизматичный, загадочный и со стальными яйцами, но после быстро вернулись к своим разговорам. Минутная тень, которую отбрасывал Бесов, рассеялась, и снова зазвучали шутки, смех, звон бокалов.

Лишь изредка я поглядывала на дверь, за которой мужчины исчез, и внутри продолжало вибрировать от несущей двусмысленности Бесова.

Прошло приблизительно тридцать минут. Я пила пиво маленькими глотками, поддерживая разговор — что-то о школах, о детях, о ценах на отдых в Турции, — но взгляд то и дело соскальзывал к входу. Но он не появлялся.

— Ребята, я, пожалуй, тоже поеду, — я встала, цепляя за собой пиджак и сумочку. — Устала что-то.

— Рокси, ну ты чего! — Ася всплеснула руками. — Ещё рано!

— Завтра дел много. Созвонимся.

Попрощалась быстро, увернулась от Асиных объятий с требованием «в следующую субботу — шопинг, и никаких отговорок» и выскользнула на улицу.

Вечер встретил колючей изморосью. Я поёжилась и накинула пиджак, достав из кармана телефон.

Необходимо срочно вызвать такси. Приложение зависло на секунду, подгружая карту. В очереди — семь машин, подача через пятнадцать минут. Я прислонилась спиной к стене бара, чувствуя, как сквозь одежду проступает ледяное дыхание старого кирпича.

Набрала бабуле и в ожидании ответа представила, как телефон надывается в тишине его дома — старый проводной аппарат на тумбочке в кухне, тот самый, что помнил ещё позывные «Маяка».

— Алё, — голос Степана Ивановича был тёплым, чуть хрипловатым со сна.

— Дедушка, это я. Прости, что разбудила?

— Не тараторь почём зря, я ещё и не ложился толком. Телевизор смотрел, задремал перед экраном. У тебя как? Платье купила?

— В целом всё хорошо, но поиск платья продолжается. А Лёва как?

— Богатырь. Набегался за день — спать уложил без капризов. Не волнуйся, всё путём. Завтра я сам привезу его. Только скажи, во сколько.

— Я напишу. Спасибо, целую.

— Береги себя, девочка моя, — отозвался дед.

— Обязательно.

Попрощавшись с бабушкой, мои пальцы автоматически скользнули по экрану — хотелось пожелать спокойной ночи Максиму.

Гудки. Один. Второй. Третий. Четвёртый.

А затем в динамике прозвучало механическое «Абонент временно недоступен. перезвоните позднее».

Сжав челюсти, сбрасываю звонок. Наверное, он занят, а может, спит уже.

Такси до сих пор находилось в пятнадцати минутах — иконка машины не двигалась по карте.

А потом я услышала низкий звук двигателя.

Чёрный автомобиль скользнул к тротуару, подъезжая

плавно прямо ко мне, и тонированное стекло поползло вниз бесшумно, открывая лицо, которое я не предполагала больше увидеть этим вечером.

— Садись. Подброшу до дома.

— Вы что, следите за мной? — я скрестила руки на груди, чувствуя, как холод добирается до костей сквозь тонкий шёлк блузы.

— Всего лишь заметил, задержавшись после звонка. Ждёшь такси?

— Именно. Уже вызвала.

— Отменяй. Я подвезу.

— Спасибо, но нет. Машина уже близко.

— Роксолана. — Он чуть склонил голову. — Ты замёрзнешь и впоследствии заболеешь. К чему лишние действия? Садись.

— Я сказала — нет.

Он выдержал короткую паузу.

— Неужели боишься? — произнёс он тихо. — Думаешь, я на тебя наброшусь?

— Я не боюсь, — голос прозвучал резче, чем хотелось. — Просто не вижу смысла.

— Смысл в практичности. Твоё такси простоит в пробках, так как сейчас вечерний час пик. Тем более в выходной, город стоит. Подумай сама: тебя довозят до дома на автомобиле люкс-класса за несколько минут. Без пробок и с подогревом сиденья. Да ещё и бесплатно.

Бесов чуть улыбнулся уголком рта, — и проявилось почти неуловимое, тень вызова: «Слабо?»

И всё же я уловила.

Я бросила взгляд на телефон — время ожидания машины не изменилось. В раздражении отменила заказ.

— Не интересуется.

— Это странно, ведь ты отменила вызов.

— Закажу другую машину.

— Выходит, я был прав, и ты ко мне равнодушна.

— Не льстите себе. Но хорошо, — выдохнула я, чувствуя, как последнее слово осталось за ним, и от этого внутри всё скрутило в тугой узел. — Только до дома. Молча.

— Договорились. Молча, — с самым серьёзным выражением лица ответил.

Ян потянулся к пассажирской двери и открыл её изнутри. Я скользнула в салон, стараясь не коснуться его руки, замершей на подлокотнике, — но всё равно задела плечом, и ткань пиджака мазнула по его запястью. Разряд. Мгновенный и острый, как искра от синтетики в сухом воздухе.

Салон встретил меня запахом — плотным, многослойным: дорогая кожа сидений, едва уловимый шлейф мужского парфюма, смешанный с ароматом подогретого воздуха.

Пространство, лишённое примет жизни, до идеала стерильно. Ни пылинки на приборной панели, ни забытой ме-

лочи в подстаканнике.

Автомобиль тронулся с места плавно, бесшумно, и под бёдрами ожил подогрев. Тепло потекло вверх по позвоночнику, разжимая ледяные узлы между лопаток.

— Адрес? — бросил он, не поворачивая головы. Профиль на фоне сумерек выпекался резкой чеканкой скул, твёрдой линией лба, прямого носа, и только губы чуть расслаблены.

Я назвала улицу и дом, на что мужчина лишь кивнул.

В салоне повисла тишина — из тех, что давит на барабанные перепонки. Я смотрела в окно, но боковым зрением ловила каждое его движение: пальцы на руле, и поблёскивающий перстнем, поворот головы на светофоре, как он поправил манжет рубашки — небрежно, двумя пальцами, и я зачем-то отметила, что запонки серебряные, матовые, без гравировки.

— Включите музыку, — попросила я, не выдержав неуютного безмолвия. — Если можно.

— Можно.

Ян нажал несколько кнопок — и салон заполнился звуком. Джазовое фортепиано, низкое, дымное, с тягучей басовой линией, от которой вибрировало где-то в груди.

— Неожиданный выбор, — заметила я, не глядя на него.

— А что ты ожидала услышать? Баха? Или что-то брутальное, под стать образу? — в его голосе мелькнула усмешка. — Разочарована?

— Я вообще о вас не думала, — соврала, и, кажется, он

это понял.

— Ты напряжена, — произнёс он.

— Со мной всё в порядке.

— Разумеется. Только не порви ремень безопасности.

Он повернул голову — впервые за поездку посмотрел прямо на меня, и свет уличного фонаря мазнул по его глазам. Серые, практически прозрачные, с тяжёлыми веками. Взгляд, под которым физически чувствуешь себя голой.

Я заставила себя расцепить пальцы. Медленно, по одному. Положить ладони на сумочку, уложенную на коленях. Тихо выдохнула.

— Вам доставляет удовольствие вот так... препарировать людей?

— Мне доставляет удовольствие точность, — он снова переключился на дорогу, но голос звучал ближе, чем должен был. — Что в людях напроць отсутствует. Они вечно врут. Вечно изображают не то, что чувствуют. Ты, например, сейчас изо всех сил изображаешь равнодушие, но у тебя пульс херачит — я вижу, как жилка бьётся у основания шеи. Могу даже озвучить ход твоих мыслей.

— Обойдёмся без подробностей, — отрезала я, рефлексивно одёргивая ворот блузы.

— Как скажешь.

Он замолчал, и это молчание стало ещё хуже. Тишина сквозь джазовые аккорды, напряжение, от которого воздух в салоне сгущался, подобно патоке. Теперь я отчетливо слы-

шала запах его парфюма — горький, древесный, с ледяной нотой в шлейфе, — и он мешался с запахом моей собственной кожи, разогретой дыханием подогрева.

— Почему вы со мной на «ты»? Не помню, чтобы позволяла формат панибратства.

— «Вы» — это точно не про нас, Роксолана. Мы же не чужие. Учитывая, что мой член побывал в тебе глубоко, несколько раз и к тому же первым, а делать вид я не намерен, что между нами ничего не было. — Воздух кончился. Вот так — просто взял и выбил его из лёгких одной фразой, произнесённой деловым тоном. Я сжала зубы и отвернулась к окну, пряча вспыхнувшие щёки.

— Случайный и ничего не значащий секс в далёком прошлом не даёт права, — парировала непреклонно.

— Если тебе будет как-то легче, — продолжил он, проигнорировав мой выпад. — Будь по-твоему: на людях будем соблюдать дистанцию, холодную вежливость и выкать. Исключение — когда мы остаёмся наедине. Это придаст больше... — он сделал микропаузу, — остроты ощущений нашим встречам. Устраивает? — Он повернул руль, и машина ушла влево. Центробежная сила качнула меня к нему — я инстинктивно выбросила руку и упёрлась ладонью в крепкое предплечье. Мышца под тканью была твёрдой, горячей — я отдёргнула пальцы, как от раскалённого железа. — Осторожно, — произнёс он, не глядя на меня.

— Вы слишком самонадеянны, — постаралась вбросить

в голос максимум яда, но вышло сипло. — С чего вы взяли, что подобное может повториться, да ещё на постоянной основе? Шкала вашего раздутого эго буквально зашкаливает.

— Скажем, интуиция. И ещё — физика.

Окаатило негодованием. Снова этот тон — препарирующий, спокойный, непозволительно интимный.

— Не знаю, о какой физике идёт речь, но ваша интуиция явно даёт сбой, — ирония сочилась, но щёки пылали вовсю.

— Ты изменилась, — произнёс он, и в его голосе впервые за вечер прорезалось что-то, отдалённо похожее на человеческую интонацию. — Нарастила зубки. Огрызаешься. Раньше краснела, когда я на тебя смотрел, рдела в моём присутствии. А теперь обороняешься, даже когда я ничего не делаю.

— О границах что-нибудь слышали? Это помогает сбить спесь хамам и типам, нагло переходящим её.

— Хорошо, что я не отношусь к перечисленным индивидам. У них ведь не хватит мозгов подвезти молодую девушку до дома, заботливо включив подогрев сиденья, и поставить приятную музыку... И как истинный джентльмен, я не позволил в одиночестве девушке остаться в тёмном переулке.

— Ещё скажите: «агнец божий».

— Точно нет. — Он сбросил скорость перед светофором и повернулся ко мне — на этот раз полностью, всем корпусом. Его плечо почти касалось моего, и жар мужского тела невозможно не почувствовать. — У тех, кто с нимбом, хуй

колом не стоит на женщину, которая всё ещё интересна спустя несколько лет.

— Это ничего не значило. Повторяю.

— Но реакция твоего тела сдаёт тебя с головой. Значит, оно всё ещё помнит, как и моё, собственно.

Светофор переключился на зелёный. Машина тронулась — а я всё сидела, чувствуя, как его последняя фраза пульсирует в воздухе, оседая на коже липкой плёнкой.

— Хотела напомнить: у вас есть Вероника, — сказала я, ненавидя себя за то, что голос дрогнул.

— У тебя есть Максим, — отбил он мгновенно. — И что? — Он замолчал. Я тоже молчала. За окном проплывали знакомые улицы — уже скоро мой дом.

— Я замужем, у вас память отшибло.

— Нет, ты прикрываешься статусом. Потому что боишься, — выплюнул Ян, не глядя на меня. В голосе ни торжества, ни насмешки — констатация факта. — Но это временное явление, и на замену страха придёт страсть, желание.

— Что за дичь вы несёте? — я почти выкрикнула, разворачиваясь к нему всем корпусом.

— Дичь? — он повторил слово с таким выражением, будто пробовал дешёвое вино. — Нет. Просто предупреждение. И знаешь что ещё? — Бесов придвинулся, и теперь я ощутила тёплое дыхание с примесью кофе и чего-то мятного. Чувствовала обволакивающую энергию, исходящую от массивного тела, — оно било статикой, пробивая защиту моего

пиджака, моей выдержки и здравого смысла. — Ты ко мне приедешь, — прошептал, будто поделился секретом. Машина свернула в мой двор. Знакомый ряд припаркованных автомобилей, чахлые кусты вдоль тротуара, жёлтые прямоугольники многочисленных окон. Бесов остановил машину и заглушил двигатель. И я мгновенно услышала собственное сердце — слишком быстрое и хаотичное.

— Подобному не бывать.

— Когда этот момент настанет, я скажу: я же говорил.

— Вам бы к психологу, — и мой совет: обратитесь как можно скорее.

— Вот и первые шаги. Ты уже проявляешь заботу, — упрямо говорил.

— Вы чудовищно циничны.

— Приехали, — выдохнул он.

— Спасибо, что подвезли. — Я дёрнула ручку, но глухой щелчок ударил по перепонкам. Дверь заблокирована.

Сердце ударилось в горло. В голове на секунду стало пусто и звонко, как в падающем лифте. Я повернулась к нему, встречаясь со светлыми глазами, внимательно наблюдающими за моими действиями.

— Бесов, откройте дверь, — произнесла я, и голос предательски сорвался.

— Роксолана. — Мужчина наклонился ещё ближе, и теперь его губы были у самого моего виска. Я чувствовала каждое слово кожей — как тёплую волну, пробегающую от уха

вниз по шее. — Послушай меня. Я скажу только раз. То, что готовится на приёме, затронет тебя напрямую. И выбор, который тебе придётся сделать, будет сложнее, чем ты думаешь. Когда этот момент наступит, просто помни: я никогда не действую без причины. И я никогда не предлагаю дважды. — Его пальцы коснулись моего запястья почти невесомо, но этого хватило, чтобы по коже побежали мурашки, а дыхание сбилось окончательно. Он провёл подушечкой большого пальца по тыльной стороне моей ладони — один раз, как будто считывая пульс. И убрал руку. Дверь щёлкнула, открываясь. — Доброй ночи, Роксолана.

ГЛАВА 9

Я в последний раз провела помадой по губам, глядя в зеркало трюмо.

Несколько дней, прошедшие после той поездки в машине Бесова, превратились в резиновую растяжку времени. Я не рассказывала Максиму ни слова. Ни о том вечере в баре. Ни о дороге домой. Ничего.

Максим вернулся из командировки вчера под вечер. Он обнял меня у порога, поцеловал в макушку и спросил, скучала ли я. Я ответила «да». И это была правда. Просто не вся.

Приняв душ и не поужинав, пожелав спокойной ночи, супруг ушёл спать. И если быть откровенной до конца, я с облегчением выдохнула.

Сегодня с утра мы занимались подготовкой к приёму. Вернее, готовилась я — Максим мерил шагами гостиную и репетировал улыбку перед зеркалом в прихожей.

Костюм он купил в командировке. На развёрнутых плечах пиджак сидел идеально. Белая рубашка, свежевыглаженная, хрустящая, застёгнутая до самого ворота. Запонки держали манжеты с геометрической точностью, а галстук, подаренный мною на годовщину, завершал образ делового человека.

— Ну как? — спросил он, поворачиваясь перед зеркалом. Сиплый голос буквально пропитан нервозностью, которую пытался спрятать. — Выгляжу как человек, готовый поко-

рять вершины?

— Ты уже их покорил, — я подошла ближе и механически поправила воротник пиджака. — Своим трудолюбием. Своей ответственностью. Думаю, в твоей компании это заметили.

Максим выдохнул с присвистом.

— Это важно, Рокс. Очень. Такие вечера возносят, и сейчас самый момент делать карьеру. Я не могу позволить себе ошибиться.

— Всё будет хорошо, — сказала я, глядя ему в глаза. — Я уверена.

Он кивнул и отвернулся к зеркалу — проверять, не сбил ли узел галстука. А я пошла одеваться.

Платье удалось купить в маленьком бутике, куда меня за-тащила Ася.

Вечернее, длиной в пол, цвета «чёрное стекло» — оттенок, при котором ткань казалась то угольной, то графитовой при повороте корпуса. Шёлк, тяжёлый и текучий, облегал фигуру, не скрывая ничего, но и не выставляя напоказ. Открытые плечи, ложбинка между ключиц, вырез ровно настолько, чтобы дышать, но избежать не нужного внимания. Ткань спускалась к полу, мягко шурша при каждом шаге.

Из бижутерии надела жемчуг — подарок Максима.

Волосы собрала в низкий пучок с небрежными прядями, выбившимися у висков, — и этот «небрежный» вид стоил двадцати минут укладки и полбаллона лака. Макияж —

дымчатый, с акцентом на глазах, делал мой взгляд глубже, а губы, тронутые помадой цвета спелой вишни, — единственная яркая деталь из всей сдержанной гаммы.

— Рокс, — голос Максима из прихожей, чуть нетерпеливый. — Машина подана.

— Иду.

Я взяла клатч — чёрный, замшевый, с застёжкой-ракушкой — и сделала последний выдох перед зеркалом.

За дверью ждал Максим, и когда я вышла, супруг не сразу нашёл слова — только смотрел, чуть приоткрыв рот.

— Что? — спросила я, запахивая палантин — тяжёлый кашемир, тёмно-серый, почти чёрный, что прикрыл открытые плечи от вечерней прохлады.

— Ничего, — он взял меня под руку. — Я просто боюсь тебя куда-то везти. Меня там просто убьют из зависти.

Я улыбнулась, но улыбка вышла кривоватой.

Машина, заказанная Максимом через сервис для представительских поездок, везла нас по вечернему городу, и муж всю дорогу молчал.

Пальцы барабанили по колену — нервный тик, который я знала с первого года нашего брака. Он явно прокручивал в голове список лиц, с которыми предстояло встретиться, заготовленные фразы для тех, кто выше по статусу, и темы для тех, кто ниже. Я видела, как на лбу выступила испарина — даже в идеальном климат-контроле салона.

— Макс, — я накрыла его руку своей в поддержке. — Выдохни. Всё будет так, как нужно.

— А если нет? — Он повернул ко мне лицо, и в отсветах уличных огней я увидела то, что он пытался прятать весь день: неуверенность. Глубокую, вьевшуюся. — Если я не из той породы?

— Ты тот, кто им нужен.

Машина остановилась, и нас встречал особняк у самой набережной с парадным подъездом для гостей. Швейцары в строгих тёмно-синих ливреях открывали двери перед подъезжающими автомобилями с выверенной грацией.

Я вышла из машины, и холодный воздух немедленно впился в открытые плечи. Я запахла палантин плотнее, поднимаясь по широким ступеням, устланным бордовой дорожкой. Максим — рядом, с рукой на моей пояснице, чуть выше, чем обычно.

Сначала мы вошли в отдельную комнату — гардеробную, заставленную вешалками, зеркалами, креслами для дам,правляющих причёски. Я отдала палантин, и когда осталась с открытыми плечами, кожей ощутила, как меняется температура воздуха.

Атмосфера сгущалась.

Вход в бальный зал был похож на заплыв в океан без снаряжения.

Сначала — звук. Многоголосый гул, в котором тонули беседы. Где-то в глубине играл струнный квартет — Вивальди,

узнаваемо и сладко, — но музыка являлась частью декора, как люстры или драпировки.

А затем ударили запахи. Коктейль из парфюма — сотни флаконов, смешавшихся в единый шлейф, слишком тяжёлый.

Конечно, я предполагала, что соберётся множество народу. Но численность переваливала за сотни.

Мужчины в смокингах и фраках, женщины в вечерних платьях, таких же дорогих, как ипотека за трёшку в центре. Красивые лица как под копирку, но размытые — я видела маски. Улыбки, натянутые до боли в скулах. Взгляды, скользящие в поисках более важной цели. Рукопожатия, в которые вкладывалось ровно столько силы, сколько требовал ранг.

Максим взял меня под локоть.

— Держись рядом, — шепнул он перед самым входом.

Первые полчаса Максим представлял меня — «моя жена» — и те смотрели, улыбались, целовали руку (мужчины) или делали комплимент платью (женщины).

Я держала спину прямой, вытянув позвонки до предела. Кивала в нужные моменты. Произносила ничего не значащие фразы о погоде и о том, какой чудесный вечер.

Но внутри стягивало напряжение — как зубная боль, которую терпишь.

Супруг отвлёкся сначала на минуту — подошёл поприветствовать бывшего начальника, который хлопнул его по плечу и увлёк в разговор о контрактах. Я осталась стоять у колон-

ны с бокалом шампанского, которое изредка пила, наблюдая, как муж менялся.

Он улыбался шире, чем обычно. Кивал чаще. Смеялся громче.

Максим был полностью поглощён — он слушал, вставлял реплики, кого-то убеждал, кому-то возражал. В какой-то момент перестал оглядываться на меня, а потом и вовсе исчез из поля зрения.

Я осталась одна в зале, где не знала никого.

Кроме одного.

Я нашла его взглядом раньше, чем поняла, что ищу.

Бесов стоял в противоположном конце зала — у высокого окна, выходящего на набережную. Чёрный смокинг, безупречная белая рубашка, никакого галстука — только развязанная бабочка, небрежно свисающая с воротника. В этой небрежности демонстрировалось больше вызова, чем в любом идеально завязанном узле.

Рядом с ним, разумеется, стояла Вероника.

Высокая, стройная, с осанкой, и золотым облегающим платьем, с открытой спиной, спускающейся почти до копчика. Волосы, уложенные в идеальные волны. Лицо — кукольное, с большими глазами и маленьким пухлым ртом.

За весь вечер с Яном мы не пересекались, и я старалась держаться подальше от мужчины.

Прошло больше часа, фуршетная часть банкета заканчивалась, однако никаких важных событий так и не происхо-

дило.

Неожиданно Вероника громко засмеялась, и, повернув голову в их сторону, я заметила, как Бесов наклонившись к ней, поцеловал в висок и после что-то сказал ей на ухо. Она замерла, и улыбка сползла с лица.

Мужчина выпрямился и посмотрел прямо на меня. Без вопроса, без приветствия, без единого движения бровью.

Я не отвела глаз. Просто не смогла. Воздух застрял между вдохом и выдохом, а пальцы сдавили ножку бокала до онемения — казалось, стекло вот-вот треснет. Три секунды. Четыре. Пять. В висках стучало.

Он отвёл взгляд первым. Лениво повернулся к Веронике, которая всё ещё стояла с примёрзшей улыбкой, и взял её под локоть.

У меня закружилась голова. Я сделала глоток шампанского, но оно оказалось тёплым и горьким.

Вероника не отходила от него ни на шаг. Она держалась за его руку, поправляла ему лацканы, касалась плеча. Она смотрела на Бесова — собственнически, жадно, и эта жадность была такой же выставленной напоказ, как её декольте.

Мне не должно быть дела. Мне вообще всё равно. Я повторяла это про себя, как мантру, но в груди разгоралось нечто неправильное.

Я злилась. Злилась на себя — за то, что вообще заметила. За то, что невольно сканировала зал в поисках мужчины, который не имел ко мне никакого отношения. За то, что

помнила каждое слово, сказанное им в машине, и не могла забыть.

Почему?

Я не успела ответить себе на этот вопрос, потому что дышать стало тяжело.

Воздух в зале застыл до плотной консистенции, пропитанный сотнями чужих запахов и чужих тел. Квартет играл теперь что-то барочное, с назойливым клавесином, от которого начинало ломить виски.

Жемчуг на шее стал казаться удавкой, а платье — коконом, не пропускающим воздух. Обведя зал глазами, в дальнем конце увидела стеклянные двери, ведущие на террасу. Не раздумывая, двинулась сквозь толпу, протискиваясь к выходу.

Мне требовался кислород. И пространство, в котором нет чужих взглядов.

Терраса оказалась шире, чем выглядела изнутри: каменное покрытие, несколько пустующих кованых столиков и низкие перила, за которыми чернела набережная. Дальше, за рекой, подмигивали огнями окна высоток. Ветер резанул по обнажённым плечам — такой колючий и отрезвляющий.

Вечерняя прохлада ударила мне в лицо, и, сделав несколько шагов, я упёрлась ладонями в перила. Холод приятно обжёг кожу, пульс медленно выравнивался.

Глубоко выдохнула и вдохнула, и так три раза подряд.

Пар вырвался изо рта облачком, тут же растворяясь.

И в тот момент, когда я почти поверила в то, что всё в порядке, — я почувствовала присутствие посторонних.

Их оказалось трое.

ГЛАВА 10

Они стояли в тени колонн, а ветер с набережной уносил табачный дым рваными полосами.

Первый — грузный, с бычьей шеей. Второй — высокий, сутулый, с лицом, будто собранным из острых углов, и глазами, в которых не отражалось ровным счётом ничего. Третий курил, облокотившись о перила спиной к городу, и смотрел прямо на меня с цепкостью, словно уже прикидывал, сколько я вешу и как быстро бегаю на каблуках.

Они не произнесли ни слова. Не двинулись с места. Но появился внутренний дискомфорт.

А вместе с ним — безотчётная тревога под рёбрами.

Пальцы непроизвольно сжались на перилах. Холод камня обжигал ладони. Я медленно развернулась, стараясь не показывать спешки, — и уже шагнула к стеклянным дверям, когда они разъехались плавным движением.

Бесов.

Мужчина шёл ленивой, пружинистой походкой, как грёбаный хозяин жизни.

Ветер растрепал его волосы, но он не поморщился — только скользнул взглядом по троице, едва заметно качнув подбородком, и те, словно ждали команды, покинули террасу поочерёдно.

Как только двери закрылись за подозрительными лицами, вдохнув и не теряя ни секунды, я решительно шагнула к выходу.

— Уже уходишь? — прозвучало обволакивающе. Моя рука легла на холодную ручку, но нажать не смогла — его близость обожгла затылок прежде чем его пальцы коснулись моего локтя. Бесов резко развернул меня к себе. Тело прошило иглами насквозь — такой мощной волной обожгло его прикосновение. Он стоял до неприличия близко: — А я пришёл составить тебе компанию. И благородно помочь с ответами, которые ты искала в тишине террасы.

— Я не нуждаюсь в собеседниках. Разве не логично?

— Тогда продолжай наслаждаться красивым видом и свежим воздухом. Обещаю, мешать не буду.

— Здесь стало нечем дышать, и воздух перестал быть свежим, — протараторила я, удерживая зрительный контакт.

— А может, ты трусливо убегаешь? — Его тёплое дыхание тронуло короткие волоски на моей шее, и по телу прошла дрожь, которую скрыть было невозможно. — Потому что боишься.

— Ты слишком много себе позволяешь, Бесов.

— Это раздражает, понимаю. Сложно вести диалог и адекватно рассуждать, когда всё внутри буквально кипит. — Он склонил голову к плечу, изучая моё лицо. — От злости... ревности... Скажи, от чего именно тебя переполняет?

Я заставила себя разжать челюсть. Нечитабельный взгляд

медленно опустил на мой рот — и обратно к глазам.

— Чего ты хочешь на самом деле?

— Задать несколько вопросов. — Голос упал до интимного шёпота. Сердце, кувыркаясь, безжалостно пробивало грудную клетку. Будто находясь в трансе, я молча кивнула, хотя инстинкты орали «не смей». Бесов придвинулся и прошептал: — Что ты любишь? — Запрос оказался до смешного простой, но дыхание в лёгких перехватило.

— В каком смысле? — уточнила я, чтобы выиграть время.

— В прямом? Что ты любишь? Не то, что принято и полагается любить, а ты — лично.

— Это допрос? — выдохнула я, и голос мне показался неестественным.

— Знакомство. — Он коснулся уголка моих губ кончиком пальца, и внутренности один за другим скрутились в сплошной узел. — Навёрстываю упущенное.

— Зачем тебе это? — продолжала сыпать этими жалобными вопросами, хотя по-хорошему требовалось послать к чёрту Бесова.

— Хочу... знать о твоих предпочтениях... интересах на будущее.

Воздух между нами фонила искрящим накалом... дорогой табак вкупе с насыщенной терпкостью не давал возможности затянуться кислородом, так как понимала: ещё один вдох, и упаду.

— Направь своё любопытство к Веронике, — прошептала

я, цепляясь за последнее, что ещё можно было назвать разумным. — Она, кажется, весь вечер держится за твой локоть.

— Вероника держится за статус. — Он усмехнулся уголками губ. — А статус можно заменить. В отличие от... — он сделал паузу, — предпочтений.

— И какие предпочтения у тебя? — вскинув подбородок, я старалась не потерять баланс. — Опасность? Риски? То, от чего у нормальных людей сердце уходит в пятки? — слова соскакивали с губ бесконтрольно.

— Бесценный опыт. — Его большой палец лёг на моё запястье, погладил точку, где билась жилка. — Ответь на один вопрос. Почему ты тогда выбрала его?

— Он надёжный, — ответила первое, что пришло в голову. — С ним безопасно.

— Я могу доказать обратное, — Ян прищурился, и в серых глазах читалась непоколебимость. Склонившись, Бесов определённо переходил грань, только я не успевала за происходящим из-за избытка ощущений — наши губы почти соприкоснулись, достигнув удушливого предела: расстояние в нитку, в один судорожный выдох. Потеряв устойчивость на каблуках, моё тело качнулось вперёд, впечатываясь в мужскую грудь. — Ну вот видишь, — выдохнул он в мои приоткрытые губы. — Ты всё помнишь.

В этот миг квартет сбился, скрипка взвизгнула фальшивой нотой, и музыка в бальном зале умолкла. На долю секунд

ды повисла абсолютная тишина, и в ней отчётливо разнёсся металлический лязг.

Благодаря чему пришла в себя.

Я отшатнулась, вырвав запястье, толкнула стеклянную дверь, влетая в зал. И замерла на пороге.

Прямо посреди зала, под сверкающей люстрой, которая только что должна была освещать триумф, стоял Максим. Его руки были неестественно вывернуты за спину, а на запястьях уже клацнули наручники — перекрыв даже затихающего Вивальди.

Те трое с террасы. Грузный держал мужа за плечо — теперь я видела в его руке удостоверение, раскрытое перед побелевшим лицом Максима. Сутулый защёлкивал браслеты — методично, как делают работу, которую выполняли сотни раз. Третий — тот, что облакачивался о перила, — что-то негромко зачитывал.

Максим поднял голову. Наши взгляды встретились поверх чужих плеч, поверх замерших официантов с подносами, поверх масок, которые гости больше не пытались удерживать на лицах. В его глазах плескался шок и ужас. Чистый и открытый.

За своей спиной почувствовала порывы колючего ветра с террасы — открылись стеклянные двери. И секунду спустя тихий голос Бесова произнёс над самым моим ухом:

— Что до моих предпочтений... Слепому неведению я предпочитаю знать правду, какой бы она страшной ни была.

Твой муж — вор, Роксолана.

ГЛАВА 11

Пять часов. Пять долгих, бесконечных часов я просидела в стенах серого коридора, врастая в жёсткую деревянную скамью, судорожно сжимая пальцами ручки сумки и мобильный.

Мимо плыли люди в форме, кто-то в штатском; перебрасываясь словами, они грели ладони о пластиковые стаканчики с чаем. И никто не обращал внимания на женщину, сидящую в вечернем платье. Шёлк, призванный сиять, здесь смотрелся насмешливо.

В висках бил колокол. Горький кофе, выпитый в три часа ночи из автомата на первом этаже, оставил на языке металлический привкус — привкус надвигающейся катастрофы. Максима допрашивали. Меня обещали вызвать, «когда понадобится». Но никто не удосужился дать вразумительного ответа — что на самом деле происходит? Каким образом мой муж, всегда старавшийся жить по правилам, оказался причастным к махинациям в крупных размерах?

Мысли метались. И всё же я упорно верила, что происходящие обстоятельства — нелепый казус.

Чтобы не впасть в уныние, пыталась думать о Лёве, но мысли рассыпались, возвращаясь к обшарпанным стенам и запаху хлорки.

Дедушка прислал сообщение: «Всё хорошо, спит, не вол-

нуйся». Я не волновалась. Я была в вакууме. В безвоздушном колпаке, куда не проникали звуки мира.

Около четырёх утра стальная дверь со скрипящим скрежетом открылась, и в проёме появился следователь — грузный мужчина с тяжёлыми мешками под глазами и лицом, на котором многолетняя усталость вытравила все эмоции, кроме откровенного равнодушия.

— Пройдите, дамочка. Десять минут.

Я вздрогнула, точно от удара током, и вскочила, едва не выронив сумку.

Комната для задержания оказалась ещё беспросветнее коридора: голый бетон, окно с ржавой решёткой, вмурованный в пол стол, два стула — по разные стороны.

На Максиме надета лишь рубашка, что на приёме, — теперь мятая, с тёмными разводами пота. Волосы всклокочены, как у безумца. На запястьях — воспалённые полосы от наручников. Сердце болезненно сжалось, и желудок скрутился в спазмах.

Сев напротив, он поднял глаза. И я увидела в них то, чего боялась больше тюремных засовов: не страх, не раскаяние, даже не надежду. Пустоту. Разочарование.

— Максим, — я подалась вперёд, накрывая его ладонь своей. — Я здесь. Мы справимся. Это какая-то ошибка, чудовищная ошибка. Мы докажем. Слышишь? Мы всё докажем. — Я гладила его холодные пальцы, пытаюсь согреть их

своим теплом. Он молча смотрел сквозь меня. — Мы справимся, — повторила я громче. — Я найду лучшего адвоката. Мы шаг за шагом, по кирпичику разберём это дело. Ты только держись. Пожалуйста, слышишь? Посмотри на меня. Мы с тобой вдвоём — мы всегда со всем справлялись. — Муж медленно, словно преодолевая сопротивление, перевёл взгляд на мою руку. Я сжала его ладонь ещё крепче, переплела наши пальцы — так, как мы делали тысячу раз, когда становилось трудно. — И я тебя не оставлю. Мы пройдем через это вместе.

— Ничего мы не пройдем, — перебил он глухо, не глядя на меня. — Ты не понимаешь, Рокси. Это не ошибка. Это система. Им нужен был козёл отпущения, и они взяли меня. Дело уже сшито белыми нитками, всё готово, они просто тянули до последнего. Теперь всё, конец.

— Что — конец? Не смей. Адвокат...

— Какой адвокат? — он резко вырвал руку, и я вздрогнула от этой хлещущей грубости. — На что ты его найдёшь? На наши сбережения? Их нет, Рокси. На квартире висит залог. Счета заморожены. У нас ничего нет. Ничего.

Я отшатнулась, как от пощёчины. Его слова хлестнули наотмашь.

— Как — нет? У нас были сбережения. К тому же ты говорил, что...

— Я врал. Врал уже год. Вложил, как мне показалось, в перспективный бизнес, одолжив деньги со счёта компании,

пытался вырулить, брал займы, перекредитовывался. В результате облажался и втянул нас всех за собой.

— Но квартира... — мой голос упал до шёпота. — Машина...

— Квартира в залоге у банка. Если не внесу платежи — её заберут. А я их не внесу. Сама понимаешь.

В повисшей тишине я осторожно потянулась к его руке снова и накрыла ладонью побелевшие костяшки.

— Мы что-нибудь придумаем, — прошептала я, чувствуя, как от моего напряжения вибрирует воздух. — Я не знаю как, но я найду выход. Ты только не опускай руки. Я рядом. Я с тобой.

Он поднял на меня глаза, и в их чёрной глубине что-то дрогнуло — боль, стыд, отчаяние. И вдруг он сжал мою ладонь в ответ, стиснул до хруста, будто я была последней нитью, связывающей его с этим миром.

— Рокси... — голос его надломился. — Ты не представляешь...

— Представляю, — я вцепилась в его руку обеими ладонями, выплёскивая всю свою решимость. — Всё представляю. И я справлюсь. Ради тебя. Ради нас.

— Время, — равнодушно бросил конвоир от двери.

Максим встал — медленно, нехотя, не отпуская моей руки до последней секунды. Наклонился и поцеловал меня в лоб — сухими, обветренными губами. И вышел, не оглядываясь. Я стояла у стола и смотрела на дверь, за которой ис-

chez мой муж. Десять минут прошли. Десять минут, которые переломили хребет нашей жизни.

Домой я добралась под самое утро.

В квартире было зябко и тихо. Скинув туфли, прошла в спальню, остановилась у кровати и легла не раздеваясь. Закрыла глаза. Но сон не шёл — вместо него перед внутренним взором прокручивался один и тот же кадр: я держу его за руку и говорю: «Я справлюсь». И ни одной мысли о том, какой ценой.

Проснулась в полдень от звонка. Ася. Сбросила. Не сейчас.

Первым делом нужно позвонить на работу: взять отгулы за свой счёт на неделю. Потом связаться с дедушкой.

— Степан Иванович, можно Лёва побудет у вас ещё несколько дней? Тут... обстоятельства.

— Побудет, конечно, — в тёплом голосе прорезались тревожные нотки. — Что стряслось-то, Роксаночка?

— Потом расскажу. Сейчас не могу.

Он не стал допытываться. Только сказал: «Звони, если что», — и повесил трубку.

Я постояла у окна, глядя на безлюдный двор — голые деревья, лужи в ледяной корке, пустая детская площадка. Потом пошла в ванную и долго стояла под обжигающе горячей водой, пытаюсь смыть с себя липкое ощущение вчерашнего вечера. Следы чужого табака, запах хлорки из отделения,

привкус отчаяния.

Приведя себя в порядок, надела строгий костюм, сделала скупой макияж, собранные в узел волосы, — я вызвала такси и поехала к адвокату, предоставленному от компании.

Звучит странно и парадоксально. Но я согласилась на встречу и приняла предложение о защите мужа.

Во-первых, мне необходимо было узнать детали дела, понять, к чему готовиться и на что не стоит рассчитывать.

Во-вторых, в целях экономии.

Заславский оказался именно таким, каким я его представляла по телефону: сухим, жёстким, с брезгливой гримасой.

Просторный кабинет заставлен папками, на столе — три телефона, на стене — дипломы в золочёных рамах.

Он выслушал меня, не перебивая, — единственное достоинство, которое я успела оценить. Потом открыл папку, собранную за ночь, и веером разложил бумаги — платёжки, акты, выписки, свидетельства.

— Ситуация катастрофическая, Роксолана Дмитриевна, — отчеканил он каждое слово. — У следствия железобетонная база. Фирмы-однодневки, подставные лица, финансовые схемы. Ваш муж — не главный фигурант следствия, однако и ничему положительному это не способствует.

— Он не мог, — выдохнула я машинально.

— Факты говорят иначе, — адвокат поверх очков впечатал в меня взгляд. — И ваш супруг мог бы выкрутиться, ес-

ли бы заплатил вовремя. Но денег нет. Сбережения арестованы. Имущество в залоге. Квартира — единственное, что у вас есть, и банк уже готовит иск о взыскании.

— Что... что делать? — прошептала я, чувствуя, как земля уходит из-под ног.

— Искать деньги, — адвокат подытожил с убийственным равнодушием профессионала, выдавшего и не такое. — Альтернатива — тюрьма.

— Сколько?

— Чтобы закрыть долги и прекратить дело на стадии следствия? С учётом моего гонорара — порядка восемнадцати миллионов.

Восемнадцать миллионов. Ощущение, что на голову и плечи одним разом опрокинули тяжелые камни.

У нас не было и сотни тысяч.

— Другие варианты?

— Есть. Признать вину и просить о снисхождении. Тогда лет семь вместо десяти. При хорошем поведении — условно-досрочное через три-пять.

Три года. Лёве будет семь. Я останусь одна. Квартира уйдёт банку. Всё, что мы строили, — в пыль, в прах, в ничто.

— Но, — Заславский понизил голос до скрипучего шёпота, — если бы кто-то... влиятельный... вмешался на этой стадии, многое можно было бы изменить. У вас есть такой человек?

Я медленно поднялась. Ноги были ватными, в висках гу-

дело.

Перед глазами чёрно-белая рябь и лицо Максима.

— Спасибо, Игорь Семёнович. Я подумаю.

Он проводил меня до двери и задержал мою руку в своей.

— Роксолана Дмитриевна, если что-то вспомните, звоните или пишите, я на связи.

— Я хочу увидеть мужа, — поразмыслив, бросила я.

— Ждите моего звонка.

СИЗО встретило меня всё той же серой безысходностью.

На этот раз свидание было дневным — в большой комнате, разделённой стеклянной перегородкой. Максима уже не вели в наручниках: он был всё в той же рубашке и выглядел на десять лет старше. Под глазами залегли фиолетовые провалы, щёки обвисли, в волосах — серебряные нити, которых я раньше не замечала. Но выражение лица изменилось сильнее всего: куда-то ушли и страх, и отчаяние. Их сменила лихорадочная, затравленная надежда, от которой у меня моментально похолодело в груди.

Я прижала ладонь к стеклу. Он, помедлив, поднял свою и приложил с той стороны — в точности напротив моей.

— Привет, — выдавила я из себя.

— Привет, милая.

— Я передала сумку с вещами, книги и вкусной еды.

— Не стоило. Наверд ли дойдёт до меня хоть что-то, — и

вновь обдало холодом от сказанного супругом.

— Твоя компания благородно предоставила адвоката — Заславского, — начала я, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Ты знаком с ним наверняка, но мне этот человек не понравился.

Максим молчал, но его пальцы на стекле дрогнули. Он смотрел на меня с какой-то новой, пугающей сосредоточенностью.

— Рокси... — заговорил он наконец.

— Поэтому знаешь, я решительно хочу отказаться от него. Они думают, что мы идиоты? А как же конфликт интересов?! Боже, я думала, твоё руководство умнее.

— Я должен тебе кое-что рассказать.

— Что именно?

— Он пришёл ко мне за час до тебя, — Максим говорил медленно, тщательно подбирая слова. — Объяснил ситуацию. Сказал, что у меня есть один-единственный шанс выбраться. Бесов может замять всё дело, аннулировать долги, вытащить меня отсюда. Заславский обещал, что дело прекратят на стадии следствия.

— Но за это нужно заплатить, — сказала я тихо, глядя на его побелевшие костяшки. — Так?

Он кивнул. Посмотрел на меня — и я увидела, как в его взгляде борются стыд и отчаянная решимость.

— Я должен признать вину. Полностью. Взять всё на себя, чтобы очистить тех, кто реально стоял за схемой. Тогда срок

— условно. И...

Он осёкся. Отвёл взгляд. Я ждала, чувствуя, как внутри меня спиралью всё леденеет.

— И — ты, — закончил он глухо, не поднимая глаз.

Тишина. Глубокая, как бездна. Я смотрела на человека, с которым прожила много лет, — и видела перед собой совершенно чужого мужчину. Он только что перечеркнул всё одним словом.

— Что значит — «ты»? — уточнила, не сбившись и ровной интонацией, хотя внутри всё звенело от напряжения. — Уточни. Я хочу услышать это от тебя.

Он поднял глаза в которых стояла такая мука, что на секунду мне стало почти жаль его. Почти.

— Бесов хочет тебя. И это... — он запнулся, сглотнул, — это цена.

— Цена, — повторила я, пробуя слово на вкус. Оно оказалось горьким. — И ты уже её принял? Прикинул, взвесил, посчитал? Я правильно понимаю?

Он вздрогнул, будто я ударила его. Но не отвёл глаз. Решимость в них стала только твёрже.

— У нас нет другого выхода, Рокси. Совсем нет. Заславский дал понять: либо это, либо реальный срок. Пять лет. Лёве будет десять? Восемь? Ты останешься одна, без квартиры, без денег. Я не прошу тебя уходить от меня. Я не прошу развода. Я прошу только...

Он замолчал, сжав челюсти. Я видела, как под кожей за-

ходили желваки.

— О чём именно ты просишь? Говори прямо, Максим. Хватит эвфемизмов.

Он посмотрел на меня. Прямо. Впервые за весь разговор — без страха, без увёрток.

И сказал отдельно, словно сам пробовал эти слова на вкус. Чтобы я отчетливо услышала. Чтобы я не смогла пойти на попятную.

— Измени мне.

В висках застучало так громко, что я перестала слышать, как капает вода в трубах.

— Измени мне, — повторил он. — Это не просьба. Это вынужденная мера. У нас нет денег, нет связей, нет рычагов. У нас есть только ты — и его желание. Я понимаю, что прошу чудовищную вещь. Но это единственный способ спасти Лёву. Единственный способ спасти тебя от улицы. Меня — от тюрьмы. Нас — от полного краха.

Я молча смотрела на его руку, прижатую к стеклу напротив моей. На красный след от наручников. На обручальное кольцо — тонкий золотой ободок, который теперь казался ошейником, затягивающимся на горле.

— Подожди, — сказала я почти спокойно, — давай уточним детали сделки. Ты признаёшь вину, хотя, возможно, даже не понимаешь до конца, в чём. Бесов закрывает дело, вытаскивает тебя с условным сроком. А я за это становлюсь его... кем? Любовницей? Игрушкой? Дорогим аксессуаром к

его самолюбию? На какой срок аренда, Максим? Или она с пролонгацией?

Он закрыл глаза. Плечи его дрогнули.

— Я не продавал тебя. Я пытаюсь спасти то, что осталось.

— Спасти то, что осталось, можно по-разному, — мой голос пропитался льдом. — Можно заложить квартиру. Можно продать машину. Можно попросить помощи у друзей. На крайний случай отсидеть. Но ты выбрал самый худший вариант, и знаешь, что самое страшное? Ты даже не колебался.

— Я колебался! — почти выкрикнул он. — Я всю ночь не спал! Но когда Заславский показал мне цифры, когда объяснил, что без вмешательства Бесова я выйду отсюда только в сорок лет, а Лёва к тому времени будет смотреть на меня как на чужого... Я принял решение. Не от слабости, Рокси. От безысходности.

— Красивое слово, — я усмехнулась криво и горько. — Безысходность. Ты знаешь, чем она отличается от трусости? Ничем. Ты просто испугался. Испугался тюрьмы, нищеты, позора. И предложил мне расплатиться собой. И ждёшь, что я пойму. Пожалее. Соглашусь.

— Я жду, что ты примешь решение, — сказал он глухо. — Я приму любое. Если ты скажешь «нет» — я пойду на суд. Сяду. Отсижу. Но тогда я хочу, чтобы ты знала: у Лёвы не будет ни дома, ни нормального будущего. Потому что квартиру отнимут, а ты одна его не вытянешь. Это не угроза, Рокси. Это реальность. Я не герой. Я — человек, который просрал

наш бизнес, наши сбережения и нашу жизнь. Но я пытаюсь исправить то, что ещё можно исправить. Даже такой ценой.

Я встала. Прижала обе ладони к стеклу — напротив его. Он смотрел на меня, и в его глазах стояли слёзы — но вместе с ними горела надежда. Та самая лихорадочная, затравленная надежда, которая была готова сжечь всё, лишь бы выжить.

— Ты просишь меня переступить через всё, во что я верила, — сказала я тихо. — Через тебя. Через нас. Через клятвы, которые мы давали. И называешь это вынужденной мерой.

— Называю вещи своими именами, — ответил он. — Измени мне. Это не красиво, не благородно, не по-мужски. Но это единственное, что может нас спасти.

— Я найду выход, — прошептала я одними губами.

— Время, — сказал конвоир.

Я вышла, не оглядываясь. В ушах стучала кровь. Перед глазамиплыли стены, смазанные лица людей.

Уже на ступенях СИЗО я посмотрела на свинцовое небо. Морось всё та же, холод всё тот же. Внутри билась одна-единственная мысль: я обещала ему, что найду выход. И выход был только один. Тот самый, на который меня толкали со всех сторон — адвокат, муж, сама судьба.

Телефон завибрировал в кармане. Я знала, кто это, ещё до того, как разблокировала экран.

Сообщение. Без подписи, без сохранённого имени. Просто цифры, которые я не смогла стереть из памяти.

Бесов.

«Заславский ввёл меня в курс дела.

Я жду тебя сегодня в 21:00. В Палаццо. Завтра это предложение аннулируется — у меня не бывает повторных торгов. Номер квартиры сообщу, если позвонишь».

Я перечитала три раза. Цинизм, завёрнутый в деловой тон. Он даже не пытался изобразить благородство — чистая сделка. Мне назначали время, место и цену.

Ветер рвал волосы, швырял в лицо ледяную морось. Я стояла и чувствовала, как внутри меня умирает последнее, что ещё оставалось важным — гордость. Верность. Любовь.

Палец завис над кнопкой вызова.

Экран телефона показывал 18:47. У меня оставалось чуть больше двух часов. Адвокат ждал моего решения. Муж — в камере — молился, чтобы я нажала эту кнопку. Бесов — в своём кабинете, наверное, уже наливал виски, предвкушая, как сегодня вечером его трофей переступит порог.

Я набрала номер.

Гудок. Второй. Третий.

— Я ждал твоего звонка, Роксолана, — раздался в трубке знакомый, слишком спокойный голос. — Рад, что ты благо-разумна. Три шестерки номер апартаментов. Не опаздывай. И да, в тряпье можешь не наряжаться, одежда тебе не понадобится.

Я не ответила. Просто сбросила вызов и сунула телефон

в карман.

— Урод.

ГЛАВА 12

Пальцы дрожали так, словно через них пропустили разряд тока, и каждый вдох давался с усилием — будто лёгкие забито стекловатой.

Ноги сами понесли меня к машине. Я села за руль, вцепившись в обшивку, переводя дыхание, ища внутренний баланс.

Мотор завёлся с третьей попытки. Я выехала на проспект, не разбирая дороги. Город мелькал за окнами размытыми пятнами — витрины, светофоры, пешеходы.

На перекрёстке перед торговым центром загорелся красный. Ударив по тормозам, я увидела вывеску винного бутика. Припарковавшись, я вошла внутрь. Холодный свет, стеллажи с бутылками, тихая классическая музыка. Консультант — молодой парень в жилете — шагнул навстречу с дежурной улыбкой.

— Добрый вечер.

— Мне вина, — сказала я. — Красного. самого терпкого, какое есть.

— Может быть, мадам желает что-то конкретное? — осторожно спросил он, уже

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.